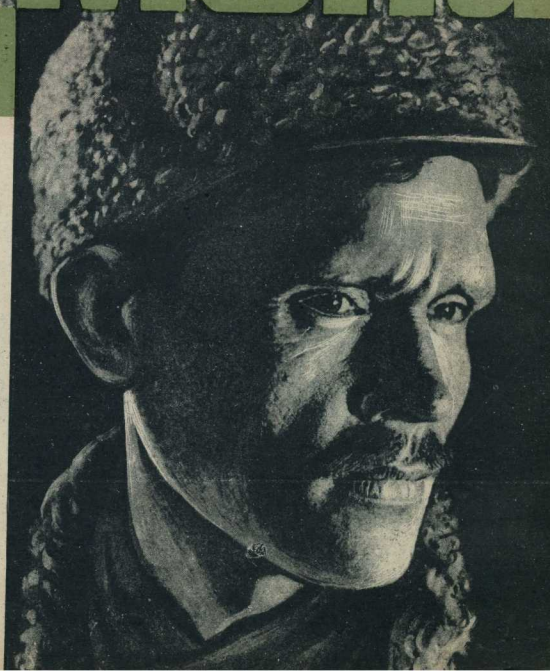

Вторая ударная большевистская весна

СМЕНА

1931 ОГИЗ Молодая Гвардия

9

Общий вид зала с'езда

VI Всесоюзный с'езд Советов

Президиум с'езда

«Только этого не хватало, подумал Спика, сдерживая влосу, стараясь разгадать в полусумраке мастерской Туренка,—явлиц у нас еще не было.

Он с отчаянием обошел Курносова и крикнул:

— Валька, поди-ка ко мне.

Туренок высунул из-под трактора голову возле самых ног Спика.

— Ну?

«Что ж ты, сучий сын, своих комсомольцев распускаешь! Негожий с тебя секретарь.

— Это как?

— Да так, что Курносов написал.

Туренок прикрутил фонарь.

— Где он?

— Вышел на улицу.

Курносов сутулился во дворе, прислонившись плечом к стенке мастерской, и натирал виски снегом. Туренок осторожно подошел к нему и окликнул:

— Как же ты так, Митя?

Курносов медленно повернулся. Лицо его было иссиня-белым, под глазами расплылись большие мутные пятна.

— Чего?—Курносов сделал слабую попытку улыбнуться.

— Зачем это ты... снегом?

— Да вот-без смены 16 часов... Бойко заболел, так я за него и работал.

У Туренка высоко на лоб ползут полукруги бровей.

— Ай, Митя, чудак же ты!—с восторгом кричит он.—А мы уже думали, что ты—бусой!—Он хватывается за плечи Курносова и весело трясет его...

... В шесть часов комсомольское совещание. Ребята собираются в ячейку прямо из мастерской, не успева обмыть замасленные руки и лица и снять спецовки.

Я буду ругаться,—начинает старший механик Спика сердитым голосом.—Много вы делаете не так, как нужно. В мастерской у нас больше всего молодежи, и вы, комсомольцы, должны быть примером. Спорю нет, у всех у вас энергии хоть отбавляй, да зачем же себя калечить?

У ребят недоуменные физиономии.

— Ка-ле-чи-ть?

— Да, калечить. Вот возьмите хоть бы Курносова. Отработав свои часы, он простоял всю смену и за Бойко.

— Чего ж тут плохого?—доносится до Спика возмущенный голос.

— А то плохого, что парень теперь проспит свою смену, и выйдут—работая он за Бойко вступую. Я понимаю, когда-б это к большому спеху было, ну тогда и разговор другой. Надо совещаться с другими, прежде чем что-нибудь устраивать. Такие случаи вносят безначалие и беспорядок. Понял? А беспорядочной ударности нам не надо.

Ребята молчат. Все они любят и уважают Спика. Его прислали в МТС год назад шефы с ростовского завода «Красный Аксай». В то время на станции не было ни одного специалиста, а он обучил ребят и организовал ремонтную работу.

Сам Спика втайне восторгался Курносовым, но порядок—порядок прежде всего! И он хмурится.

Слово берет Туренок.

— Спика правду сказал, товарищи. Силы у нас много, но дисциплина не должна падать. В феврале нам нужно закончить весь ремонт. Стаго быть, подождем, братва! Не считая глухословного инвентаря, в ремонте нуждаются еще 32 трактора, да и другие машины есть. Подгадать никак нельзя. Ведь соревнуемся ж мы с Мечетинской станцией! Лемешко сказывал, что его вчера мечетинцы уже спрашивали, как у нас дело движется. А теперь я еще вот про что скажу: про глухословный колхоз. Буза там!.

Еще долго в бурную ночь светятся обледенелые окна правления.

... А через неделю в районной газете:

„Вышибить из Глухословных правых оппортунистов“

«Бригадой теплов, организованной ячейкой ВЛКСМ при Атаманской МТС слезами вышиб из глухословного колхоза Бригаду обнару-

сплена 9

30 марта 1931 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Сразу заредело разноголосое собрание:

— Нароботать с бисову душу!

— Та у колхоза лодыри сыдять!

— Не пиду, покы не здохну!

— С голоду у колхозе вытягнешься!

— Не пиду!

— Та у колхоза кормов нема. Вчера двя коняки подохло!

— Калачом с мздом не заманешь!.

И вдруг, врзвываясь в сумятицу голосов, торпливо размахивая локтями, к столу протиснулася одиноличница Ирина Поддубная:

— Помолчать, дурины головы!

Платок у Поддубной сбился на затылок, в глазах сердытые огонечки.

— Чи вы кулачя понаслудались? Два часа молчала я, та билые нема терпенья. Брехать вам не буду. Партизанка я—беднячка. А от же-ж до сего дня тоже боялась у колхоз итти. Пока сидыв там той гад—Мокшатов, не буду у колхозе длат! А теперь погляньте: Мокшата выгнали! Теперь треба нам самим за работу браться. Товарищи зметесовы-сеялки та плуги колхозу отремтиру-

литературно-художественный" ж еще оищают. Та же заботятся кормов ственно-политический иллюстраторов-и спасибо, товарищи Туренко. А ный журнал рабочей молодежи Уже почти уси одиноличники по а мы—ни...

ОРГАН ЦК И МК ВЛКСМ

Изд. ОГИЗ — **МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ**

Ответственный редактор **С. КИМРАД**

Зам. отв. редактора **В. ЛЕБЕДЕВ**

Заведующий редакцией **М. ЮНПРОФ**

Художник-оформитель **А. ДРУЖНОВ и Е. МЕНБАРГ**

Адрес редакции: Москва, Центр, Б. Чернышевский, 6. т. 5-67-03

ки превзватлю дихание от ярости. ий хохот:

От что ты! Глянь на себя та на являвай? Тилько и добра у теб,

ом буд, бедняком и будешь, ходи с белками билньс? Даром поло-

Не даром! Будз куаков слушать.

мложила на стол вырванный из Настороженную тишину прорвал

каже?

и настоячиво продолжал: тодишние под твоим заявлением!

ла смущенная казачка.

ью глянула она по сторонам. Ей

На снимке: лучшая колхозница, комсомолка-бригадирша колхоза „Знамя коммунизма“ (станица Александровская) Ульяна Шереню

Фото Дружелюбова

Общий вид зала с'езда

VI Всесоюзный с'езд Советов

Президиум с'езда

...она дала молотилки и весь необходи-
Первым в Мечетинском районе пошел
ганский колхозов.
...ские хлебоборобы, что сказал старый
ударников:
...у колхоз — брехня, шо не бузд з его
товарищи, советска власть строе для
дога нам Матесь. Це наша голова.
лучшить наше житье. И динь и ничь
в някий штаб. Я иду у колхоз
идеть и вы!
... директор. Он улыбнулся. Ведь не
итов коллективизации! Добились этого
нами неполадок. Нехватало материала
иалистов... А план второй колхозной
и в прошлом году было только два-
...ек?

...о вспашку, и осенний сев перевыпол-
сядем?..
...вост, о чем спрашивает его директор.
...и. Он долго смотрит на рыжев соли-
в снежной пали, и, наконец, говорит:
...лым.

— Ну, чего ж. Берн...
Осмотрев весь инвентарь, Туренок находит, что в ремонте ну-
ждаются не только сеядки.
— И вон эти плуги заб-ру. И запашники тоже.
— Забирай, брат, забирай.
— Разве можно в снегу машины оставлять? Глянь — поржавели
все.
Председатель печально разводит руками:
— Что ж делать, брат? Упустили из виду.
— Когда кони вывозят инвентарь за хутор, Туренок длинно и
смачно ругается.
— И давно у вас такая буза делается? — обращается он к дер-
жащему вожжи колхознику.
— Давненько... Выпивать наш пред больно любит.
— С кем же это он так?
— С кумом Васильчковым. Самого Васильченко, стало быть,
выселили из совета как злостного кулака (в его доме правление
теперь помещается), ну, а кума позабыли. Вот они и выпивают.

Старший механик Спика изумленно остановился на пороге мастер-
ской: навстречу ему докучившая цел Курносов.

«Только этого нехватало», подумал Слика, сдерживая злость, стараясь разгадать в полусумраке мастерской Туренка, — пьяниц у нас еще не было.

Он с отвращением обвел Курносова и крикнул:

— Валька, поди-ка ко мне.

Туренок высуила из-под трактора голову возле самых ног Слика.

— Ну?

«Что ж ты, сучий сын, своих комсомольцев распускаешь! Негожай с теми секретаря».

— Это как?

— Да так, что Курносов напился.

Туренок прикрутил фонарь.

— Где он?

— Вышел на улицу.

Курносов сутулился во дворе, прислонившись плечом к стенке мастерской, и натурал вилки снегом. Туренок осторожно подошел к нему и одиноким:

— Как же ты так, Митя?

Курносов медленно повернулся. Лицо его было иссиня-белым, под глазами распустились большие мутные пятна.

— Чего?—Курносов сделал слабую попытку улыбнуться.

— Зачем это ты... снегом?..

— Да вот-бэ смены 16 часов... Бойко заболел, так я за него и работал.

У Туренка высоко на лоб позвук помурился бровей.

— Ах, Митя, чудак же ты!—с восторгом кричит он.—А мы уже думали, что ты—бусой!—Он хватывается за плечи Курносова и весело трясет его...

— В шесть часов комсомольское совещание. Ребята собираются в ямочку прямо из мастерской, не успев обмыть замасленные руки и лица и снять слезовки.

— Я буду ругаться,—начинает старший механик Слика сердитым голосом.—Много вы делаете не так, как нужно. В мастерской у нас больше всего молодежи, и вы, комсомольцы, должны быть примером. Спору нет, у всех у вас энергии хоть отбавляй, да зачем же себя калечить?

У ребят недоуменные физиономии.

— Ка-ле-чи-ить?

— Да, калечить. Вот возьмите хоть бы Курносова. Отработав свои часы, он простоял всю смену и за Бойко.

— Чего ж тут плохого?—доносится до Слика возмущенный голос.

— А то плохо, что парень теперь проспит свою смену, и выходит—работал он за Бойко впустую. Я понимаю, когда б это к большому снегу было, но тогда и разговор другой. Надо советоваться с другими, прежде чем что-нибудь устраивать. Такие случаи вносят беззачине и беспорядок. Поняла? А беспорядочной ударности нам не надо.

Ребята молчат. Все они любят и уважают Слика. Его прислали в МТС год назад шефа с ростовского завода «Красный Аскар». В то время на станции не было ни одного специалиста, а он обучил ребят и организовал ремонтную работу.

Сам Слика втайне восторгается Курносовым, но порядок—порядок прежде всего! И он хмурится.

Слово берет Туренок.

— Слика правду сказал, товарищи. Силы у нас много, но дисциплины не должно падать. В феррале нам нужно закончить весь ремонт. Стало быть, подождем, братан! Не считая глуховского инвентаря, в ремонте нуждаются еще 32 трактора, да и другие машины есть. Подгадить никак нельзя. Ведь соревнуемся ж мы с Мечетинской станцией! Лешечко связывал, что его вчера метенчики уже спрашивали, как у нас дело движется. А теперь я еще вот про что скажу: про глуховский колхоз. Буза там!..

Еще долго в бурную ночь светятся обледенелые окна правления.

... А через неделю в районной газете:

„Выбить на Глуховку правых оппортунистов“

«Бригада темлов, организованной вольнолюбивой ВЛКСМ при Атаманской МТС, сделан налет на глуховский колхоз. Бригада обнаружена: колхоз оторван от масс бедняков и середняков. В станцию всего 30 процентов коллективизации, в то время как весь район в основном коллективизацию завершает. Председатель Мохлатов бесприсыпно пьет с кулаками и во всем им уроджает. Подготовка к весне отсутствует. Собрано всего 18 процентов семфодов, о ремонте инвентаря тоже никто не заботился.

«Комсомольская ячейка при Атаманской машино-тракторной станции берет глуховский колхоз на буксир. От Крайкохозсоюза мы требуем: немедленно вытравить из правления кулацких сподвижников.»

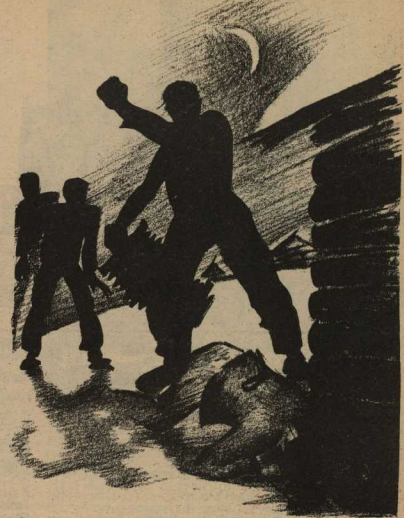
IV

Туренок проводил собрание единоличников четвертой стодворки. В хате душно и тесно. Сильный огонек лампы вздрагивает и бликнет.

Открытые двери—на скучную обрывая речь кричит чернорабочий Журба и продолжает,—Ну так от, значит, я и кажу, товарищ Туренок, шо у нашей Глуховке не можно быть колхозу. Никак я жить не дите: 40 годов хлебопашеству! Оно, конечно, трудно приходится, да зато хоть хозяин сам. А в колхозе... всё раздвывается.

Туренок качает головой, проводит ладонью по потному лицу и жадно глотает холодный воздух.

— Нет, товарищ Журба, неправильно! От нас же самих зависит, что колхоз хорошо работает.

Сразу загремело разноголосое собрание:

— Нароботать с бисову душой!

— Та у колхозе лодыри сыдыт!

— Не гиду, покы не здохну!

— С голоду у колхозе вытягисьнеш!

— Не пиду!

— Та у колхоза кормов нема. Вчера дин конякя подохло!

— Калачом с мадом не заманыш!..

И вдруг, врзвываясь в сумятицу голосов, торопливо размахивая локтями, к столу протиснувшись единоличница Ирина Поддубная:

— Помогите, дурыны головы!

Платок у Поддубной сбился на затылок, в глазах сердитые огоньки.

— Чи вы кулачья понаслухались? Два часа молчала я, та больше нема терпичья. Брехать вам не буду. Партизанка я—беднячка. А от же-ж до сего дня тоже боялась у колхозе итти. Пока сыдыв там той гад—Мохлатов, не було у колхозе дила! А теперь поганьяте: Мохлатова выгнади! Теперь треба нам самим за работу братьсь. Товарищи эмтеговские—сидят та плуги колхозу отремонтривали. Зерно для посева собирают та ошнчают. Та ще забоятся кормов для коней заготовить. Передат им спасибо, товарищ Туренок. А вы поганят на другие колхозы. Уже почти усе единоличники по нашему району заявления подади, а мы—ни...

— Кто як хоче,—крикнул Журба.

«Что я хочу!»—У партизанки перехватило дыхание от ярости. Высапо она выдохнула под общий хохот:

— Дурак ты чернорабочий! От кто ты! Глазня на себя та на дитей, та на жинку. Много вы понакажишь! Только и добра у тебя, шо борода длинна та черна! Бедняком був, бедняком и будешь, коли не пидеш у колхоз. Чи мы даром с бедняки бились? Даром пожелась наши диты та мужья? Нет! Не даром! Будз кулаков слушать. Я перна уду у колхоз!»

Поддубная передохнула и положила на стол вырванный из тетради листок. Собрание молчало. Настроению тишины прорвал одинокий возглас из угла:

— А може Аршика и правду кажет?

На голос кто-то зашпал, но он настойчиво продолжал:

— Эх, дай-ка и я, Аршиченка, подлинись под твоим заявлением! Раздвинув толпу, к столу подошла смущенная казачка.

— А кто за мной?—вопросительно глянула она по сторонам. Ей ответило сразу несколько голосов:

— Пшши и меэз аразу.

— И менэ.

— Ну, стало быть, и я вступаю.

— Ну... и я...

— Ух ты! Стало быть, за десять дней?—Туренок щелкает языком.— Я так и знал. К весне и все 100 будет. А Журба тоже вступил в колхоз?

— Который с черной бородой? Вступил! Это он и занял в милицию на тех, кто тебя бил. Он из-за угла видел. Сейчас у них в колхозе де-с-ля пашкорят! Вот только с лошадиных пловхато. Больно много Мохнатов кормов загубил без толку. Да колхозники говорят, что и корма соберут, так что к севу они своих конячек подкормят.

... Через две недели Туренок вернулся на станцию. С вокзала он торопливо бежал к правлению, и, запамятвшись, останавливаясь перед крыльцом. На двери выгнанысь с цветного плаката ряды букв и цифр:

**ГОТОВИМ
КО ВТОРОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЕСНЕ
и 15 февраля 1931 года Атаманской МТС полностью
отремонтировано:**

тракторов	плугов	сеянок	борон	бункеров
66	66	78	10	92
собрано зерновых сем-фондов			очищено и протравлено	
15.197 центнеров			15.197 центнеров	

Туренок совсем обиделся:

- Все без меня сделали!
- Не все, Валя. Еще индивидуальным инвентарем ремонтируем. Он поспешио оглаживается и видит смеющегося Спичку.
- Значит, поработаем! Здравствуй, дядя Коля!
- Здравствуй, инвалид!

Туренка шумно окружают эмтэсовцы. Он оглядывает улыбающихся лица и сам хохочет.

— Вы меня, ребята, не шпуняйте. Живой, чтоб мне провалиться— живой!

В эту минуту на крыльцо вышел незнакомый человек. Туренок поднял на него удивленные глаза. Было во всем облике этого человека что-то чужое и необычное: шлappa, трубка, меховое пальто, гладко выбритое лицо.

— Это инженер американский,—шепнула Туренку Тоня,—он в Саянский Гигант работать едет, а по дороге к нам завернул. По обращенным на крыльцо головам американец поймал, что говорят о нем, и что-то быстро сказал.

— Мистер Кент спрашивает, зачем у этого молодого человека забитована голова?—спросил переводчик.

Туренок встал за голову, подмигивая словом: «Побили. Кулаки побили. Классовая борьба. Американец высудил переводчика.

— Мистер Кент говорит, что, уезжая в Россию, он имел о ней очень смутное представление. В американской и европейской прессе нельзя узнать правды о России. Мистер Кент убеждается, что Россия выглядит не такой, как ее рисуют западные газеты.

— Не Россия, а СССР,—убедительно сказал Туренок,—что мистер Кент говорит про нашу МТС?

— Иес. Иес!—с улыбкой поправляет американец.—Советска Россия! Зэ-Зэ-Эри!—Он о чем-то долго говорил переводчику.

— Мистер Кент находит, что в Советской России рабочие и крестьяне строят величайшее дело в мире. В этом он успел убедиться, побывав на некоторых фабриках и заводах Северного Кавказа. Особенно он восхищен молодежью, которая проявляет в работе огромнейший энтузиазм. В частности, его поразила спайка рабочих организаний энтузиазм. Атаманской станции. Такой спайки мистер Кент не видел в Америке. Особенно он доволен рабочим изобретательством и стремлением к знаниям. Например, в Атаманской МТС он увидел усовершенствованный тракторный шату. По фабричной цене штукло для шатуна стоит полтора доллара, а вы сделали его сами за несколько центов. Несмотря на это, он более устойчив и прочен. Русские рабочие знают, за что они борются.

Эмтэсовцы смегла полчищеня. — Что правда, то правда,—усмехаясь проговорил Курников.— з вот насчет спайки американских рабочих—неправда! Они тоже борются с капиталистами. И против этих гадов у них тоже есть спайка!

Американец торопливо закивал головой.

— Иес, Иес,—улыбается он,—о-да-рай!

...Тоня постепенно расходится и на улице остаются только Туренок и Тоня.

Всемирная революция! Вторая весна! Хорош! Туренок вспоминает о чем-то и тянет Тоню за руку. Однако, говорить он не решается. «Сейчас не время,—думает он и не додумывает до конца.

— Чего ты, Туренок? — Да так, Тонюшка,—Туренок поднимает голову и смотрит на высокое солнце.

... На дворе морозило. Туренок шел быстро и его подымало желание разбегаться во всю силу и выкрикнуть что-нибудь звонкое и веселое.

Неважно, что в колхоз вступило всего девять человек и что чернородый Журба до конца упорствовал. Завтра—послезавтра он убедится, что ошибался. И все убедится. Хорош! — В обитом лунным светом зуторе было совсем тихо, только за углом кто-то с надрывом ткнул под всхлипывание гармошки:

Ку-у-ба-ань, ты

На-ша ро-о-один-на...

Голос скрипел и обрывался и Туренок с недоумением подумал: «кого это так мучает?»

На углу Туренку загородили дорогу несколько фигур.

Чего нам?

— А ты кто ж будешь, солия несчастная?—спросил гармонист и сделал шаг к Туренку.—Хлопши, та це-ж эмтэсовец! Ты какого. До нас шавешек? Я те дам колхоза! Ы-и-и, гаденщи... твою мать!.. Ударная! Хавия, а ну паарь его!

Туренок качнулся. Удар в спину был нанесен с такой силой, что у него остановилось дыхание и изо рта темным шматком вырвалась кровь. Упав в сугроб, он еще одно мгновение видел занесенный над головой кованный сапот.

V

Машинистка Тоня привезла Туренку в Мечетинскую райбольницу прилет от эмтэсовцев:

— Поправляйся, Туренок, ждем тебя—не дождемся.

У Туренка лицо плотно забинтовано и только в щелку видны улыбающиеся глаза.

— Приеду, Тонюшка,—глухо мычит он,—как там, у нас? Заканчиваем ремонт. Премию хотим получить.

Он жалобно ведакает:

— Без меня, значит?

— Нет, тебя дождались. Ничего не делали,—добродушно острит она,—как же, авось и весна тоже ждать будет!

Лицо у Тони розовое от мороза, и Туренку делается грустно: все они там работают, а ты вот лежи здесь. Ему хочется как-нибудь уловить Тоню и о с иронией спрашивает:

— Ну, а ты на машинке клацать научилась?

Тоня вспыхивает. Месяц назад, как она ни упиралась, правление засидело ее за пишущую машинку. А क्या из Тони машинистка, если по специальности она трактористка? Но на ростовской бирже машинисток, вслающих ехать в станицу, не оказалось. И ей пришлось на время переменить специальность.

— Плохо, Туренок. Клацать уже научилась, а вот с запятыми никак не ладится.

— Ничего, научилась,—подбадривает он.—Ну, а Глуховка? — Ой, Туренок, я ж тебе и не рассказала. Тебя, знаешь, кто поклячет? Васильковские кум! А с ним какие-то хуторские хлопцы были. Теперь всех супчиков посадили куда надо. А еще, Туренок, знаешь что? Глуховский совет коллективизирован на 70 процентов!

Тракторист-ударница

Сыпья очищенного посевного зерна в совхозе „Гигант“

Запевається песня

ИЗ „ГИГАНТА“ (по телефону), ЗЕРНОВОХОЗ „ГИГАНТ“ И ВЕСЕННЕМУ СЕВУ В ОСНОВНОМ ГОТОВ. НА ПЛОЩАДЬ ВЕСЕННЕГО ПОСЕВА В 106 ТЫСЯЧ ГЕКТАРОВ СЕМЯ ПОНУЖЕНО — 113.880 ЦЕНТНЕРОВ, А ЗАВЕЗЕНО — 101.315 (ВЫПОЛНЕНО 89 ПРОЦ.), ПОДЛЕЖИТ СОРТИРОВАНЕ — 12.600, ОТСОРТИРОВАНО — 90.470 (ВЫПОЛНЕНО 80 ПРОЦ.), ПОДЛЕЖИТ ПРОТРАВЛИВАНИЮ — 83.113, ПРОТРАВЛЕНО — 66.943 (ВЫПОЛНЕНО 80 ПРОЦЕНТОВ). ОТРЕМОНТИРОВАНО 164 ТРАКТОРА (89 ПРОЦ.) ПЛЮС 41, ОТРЕМОНТИРОВАНЫХ ВПЛОТЬ ДО ПОРШНЕЙ. ЗАДЕРЖКА — ОТСУТСТВИЕ ПОРШНЕЙ. ОБЩИЙ ПРО-

ЦЕНТ ВЫПОЛНЕНИЯ ПЛАНА РЕМОНТА — 87, А СЕЛ.ХОЗ. МАШИН (ПРИЦЕПНОЙ ИНВЕНТАРЬ) — 85 ПРОЦ. ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ВЕСЕННИХ РАБОТ ФОРМИРУЕТСЯ 14 УЧАСТКОВ. РУКОВОДЯЩИЙ ПЕРСОНАЛ УЧАСТКОВ — ЗАВЕДУЮЩИЕ, ПОМОЩНИКИ, МЕХАНИКИ, ВОЖ. МЕХАНИКОВ, СЛЕСАРИ, ТРАКТОРИСТЫ — ПО УЧАСТКАМ РАСПРЕДЕЛЕНЫ. ТРАКТОРЫ И ПРИЦЕПНОЙ ИНВЕНТАРЬ ЗА УЧАСТКАМИ ЗАКРЕПЛЕНЫ И В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ВЫВОЗИТСЯ В ПОЛЕ ТЯЖЕЛЫЙ ИНВЕНТАРЬ. РАБОЧИЕ ПЛАНЫ УЧАСТКОВ СОСТАВЛЕНЫ. ДИРЕКТОР „ГИГАНТА“ БОГОМОЛИН

1

В. ПАВЛОВИЧ

С востока на Сальскую степь бросается сухой — жаркий песчаный ветер. Он иссушает чернозем, выливает влагу степных оврагов и покрывает непопаханые участки желтоватой сединой спящего ковыля и кормека.

Семь лет назад здесь была целина, вытопанная табунными степными конями. Коннозаводчики Пшванов, Корольков, Султан-Гирей владели до революции этим огромным лугом, простиравшимся на десятки километров, от Маньча до Сала.

В 1928 году индустриализация включила сальскую целину в графику пятилетки. Во исполнение решения партии о строительстве зерновых совхозов, в дикое царство ковыля и суховей пришла армия тракторов. Пришли люди из города; они вбили колышки в сухую растрескавшуюся землю и от колышка к колышку натянули тугую бичеву, звенящую, как струна. Были построены гаражи для машин и бараки для людей. В первую же осень было поднято 60 тысяч гектаров превосходной, столетними ковышней плодородие земли.

Так родился зерносовхоз „Гигант“.

Он сразу оставил далеко позади считающееся до сих пор крупнейшим в мире американское хозяйство Кэмбелла. Он принес в былинную степную глушь технику индустриального города. Невиданными темпами он изменяет лицо земли, выкорчевывает корни дедовской старины.

Сальская деревня не сразу приняла совхоз. Она ревниво и недоверчиво наблюдала величественный рост „Гиганта“: могучие грейдеры ползали по степным дорогам, расчищая пути к совхозу; неорганизованная, безордная и безыменная земля разбилась на правильные клеточки, и каждая клетка получала свой паспорт — свой номер; артезианские колодези и ручьи утоляют горячую жажду земли; между клетками насыжены деревья — защита от ветров. Скоро весь участок совхоза — 275 тысяч га — покроется сетью густых аллей.

По дорогам, проложенным грейдерами, победно въезжали в совхоз машины: 60-сильные гусеничные „Катерпилеры“, мощные четырехкорпусные плуги, бесстыжие дисковые бороны, культиваторы, снегопоялки, соковы. Шли грузовики и легковые автомобили, шли полевые вагоны и вагоны-мастерские. И невдалече до сих пор в нашей стране, переплывшие океан чудовищные комбайны, которые сами склизывают и тут же обмолочивают хлеб.

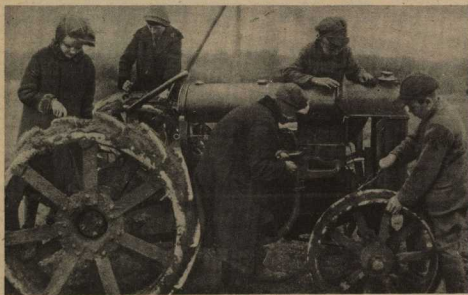

Максимум оприходован и весь готов

Трактор должен быть легковес

Шефы-пионеры чистят трактор

КОМСОМОЛ ГИГАНТОВ

И. ПОНОТИЛОВСКИЙ

Каждый день приближал весну. Все напряженной и лихорадочной становилась работа. Поля еще дымилась снеговой поземкой, когда 30 «катериллеров» повезли на участок семязерно.

Секретарь Гигантского райкома бежал из областного управления, соревнуясь в скорости с «Фордом». Одна мысль целиком занимала секретаря:

— Организовать ударный комсомольский участок.

И вот, когда напряжение прорвалось долгожданным приказом о выезде в поле и начале полевых работ, молодежный участок был создан.

Телефонные проволокн разнесли приказ по участкам и бригадам. Застучали моторы. 300 тракторов двинулись на поля. В совхозе «И-

ганти» начался невиданный в мире сев на 80.000 гектаров земли.

Восьмой молодежный участок получил задание задковать, заборонить и засеять 6.549 га. Срок — восемь дней.

В ответ 230 человек, старшему из которых было не больше 23 лет, обтянули себя ударниками.

— Обязуемся выполнить сев в семь с половиной дней. Вызываем на соревнование администрацию и рабочих второго участка.

Восьмая молодежная начала сев. Первые дни давали хорошие результаты. На участке своевременно не были поставлены прицепки. Когда пришли прицепки, не оказалось чертежей и эскизов. Восьмой молодежный участок отставал.

Это были трудные дни. Ветер и изморозь леденили руки и ноги рудевых. За ночь окна вагончиков покрывались узорами льда и в ведрах мерзла вода. Ноги обматывали тряпками, завязывали платками уши и работали. Дорог был каждый час. И тут был пущен в ход мощный рычаг пролетарского ситуэзма — социалистическое соревнование.

На каждый загон поставили три трактора. Загон соревновался с загонем, трактор с трактором, рудевый с рудевым. Четыре девятирудевых ни в чем не отставали от ребят.

Комсомолец Новобранец за десять часов работы объехал три с половиной круга, расстоянием в 12 километров, и засеял 80 га. Эта норма стала обязательной для всех рудевых.

И вдруг — прорыв. Агроном Бачурихин не любил ночной работы. Бачурихин не разматывал загон для третьей смены тракторов. Семь часов простояли восемь машин. 230 ребят столпились у вагончика бригадира. Они кричали:

— Мы требуем наказания вредителя!

Комсомольская бригада вынесла решение: — Мы, комсомольцы ударной бригады, хотим эту проследу злостной безответственностью и просим дирекцию наложить на Бачурихина строжайшее взыскание.

В те дни не было места на полях мягко-сердечию. Бригада объявила жесткую борьбу виновникам простоя.

Рудевой Торин поломал универсальную прицепку к боронам. В результате — простой полтора дня.

Рудевой Анисимов поехал из коша на незаправленной машине, на шестом километре машина стала из-за отсутствия горючего.

Бригада лишила Анисимов и Торина звания ударников и перевела с восьмого ударного участка на другой.

На морозе и тракторах стаял вода. Трудно заводил мотор. Рудевые решают:

— Будем работать без перерыва. Смена — двенадцать часов.

А после двенадцатичасового рабочего дня трактористы выезжают в окружающие колхозы, проводят беседы, руководят политчтками. В вагончиках ежедневно громкая читка газет, выходит боевой бюллетень.

В редакции газеты «Гигант» телефонный звонок. Говорит восьмая молодежная:

— Завтра кончим сев. Осталось посеять 1.000 га. 6.549 га были засеяны в семь дней и пять часов.

Это — голые факты.

За датами, цифрами и фамилиями вступаю дни, наполненные будничным героизмом. Об этих фактах не любят говорить в «Гиганте», а слово «героизм» не встречается в лексиконе рудевых.

В числе других трактористов, одетых в замасленные комбинезоны, вам не покажут Марусю Соболеву. Но Марусю Соболеву, работающую на «Катериллере», надо знать. Особым постановлением ЦК КПС с ей был присужден орден Трудового знамени — высшая награда пролетария.

Соболева гордится орденом, но свою работу она не называет подвигом. Ведь все было так ясно и так ие было битое мотло: рудевые двух смены подряд не вышли на работу. Не мог же простоять трактор? И Соболева двадцать четыре часа не выпускала из рук рычагов «Катериллера», не покидала пидущую смену.

Студя пришли эти люди? Какие заводы и фабрики послали эту стальную молодежь строить социалистическое земледелие?

— Я проплакала все эти ночи но я больше не могу: мне остается только задушить своих детей подушкой.

Это в Берлине.

— Я убиваю сегодня свою сторожевую собаку. Надо накормить моих голодных восьмерых детей. Мой муж уже несколько месяцев безработный.

Это в Америке.

Чашка супу и кусок хлеба. Хорошо еще, что такую пищу получает дессорб в Минюте. Тысячи тысяч не могут получить и этого. За неуплату выключают свет, лишают тепла, не дают даже вскипятить воду. Тогда остается пустить газ... Это единственный способ не платить за него и не быть выселенным. Самоубийц не выселяют силой. Их переносит на кладбище. Синие части углеэксплозты все чаще погатывают целые семьи, десятки жилищ в день. Но они не проглатывают безработицы и нищеты.

Общественное мнение—что делает оно? У ученые мужи Запада и Америки, академики и писатели, врачи и юристы—не зевают! Они изобретают, соревнуют, рекордсменствуют в своих открытиях. Они знают легкое и верное средство избавить человечество от нищеты и рабства.

— Мы должны предоставить врачам право на убийство всех, кто бесполезен обществу,—заявили в своем меморандуме крупнейшие светила западной науки.

Итак, самоубийств мало. Нужны еще убийства. Если безработные не догадываются умереть сами, им должны в этом помочь врачи. Это лучшее средство освободить страну. Так открыто заявил недавно ментальный министр германского кабинета, коллега Брюнинга—Брад.

— Если бы,—заявил он,—внезапно в одну ночь умерло 20 миллионов немецких граждан, Германия была бы самой богатой страной в мире.

Большее банкротство трудно себе представить. Ведь это откровенное признание своей слабости, своего бессилия, своего крушения.

Вот он, проклятый лик современной капиталистической цивилизации! Разве могут быть обращены к нему глаза безработных? Нет, пролетарии знают, куда смотрят, на кого рассчитывать, у кого искать поддержку.

Вы не знакомы, читатель, с Вильгельмом Шуком? Удобный случай связаться с ним и его женой. Эссен. Рур. Шроенбергштрассе, 36. Вот что пишет он нам, одна из жертв рабовладельческой системы.

«Я был прасежным рабочим. А теперь я три года безработный. Моя жена и я голодаем. Радикальные мероприятия капиталистов свели нас безработными и довели до голода. Я вместе с женой получаю 13 марок пособия в неделю. Маса мы не едим совсем. Пособия на это нехватает. Здесь, в Германии, нет ничего, кроме бедности и нужды. Правда, для министров, государственных чиновников и верхних тысяч здесь рай на земле. Рай, который мы, по своему господ пасторов, должны обрести на том свете.»

Приехавший рабочий Вильгельм Шук понял это. Поняла это и его жена. И тут они оба вспомнили не о сказочном Эльдорадо, а о советах в стране Ленина, стране, где понятие «безработица» существует лишь в словарях и энциклопедиях.

«Говорят, у вас много строек. Если есть работа и потребность в кровельщиках,—а это моя профессия,—я готов помогать строительству Советского союза, где мы могли бы наконец жить по-человечески. Я готов защищать пролетарскую страну от разобличных нападений.»

Да, конечно, Вильгельм Шук начинает наконец жить по-человечески. Сотни таких подручни уже такую возможность. Вильгельм Шук тоже будет на стройках нашей стройки. Он будет не «кавалдарным», а настоящим ударником.

Вот таким же, как комсомолец Коми. Пусть запомнит он, Вильгельм Шук, эти имена: Людмила Туркина, Гафидра Ворсина. Три месяца гнали они плоты на расстоянии 800 километров. Плоты садятся на мель, даже старты, даже испытанные сплавщики ударили. Эти—до конца не оставали плотов. В будущем году они обещают явиться на сплав верным.

Или таким, как старший семидесятилетний Владимир Клыклов. Лесоруб-доброродец Чекуевского района. Когда этот пролетарий узнал из газет о «принудительной» басе Фишер, он, не сдержав возмущения, написал корытвом своим почерком (это было первое письмо, которое он написал, ибо недавно его сделали грамотным) живой отклик на эту сплетню.

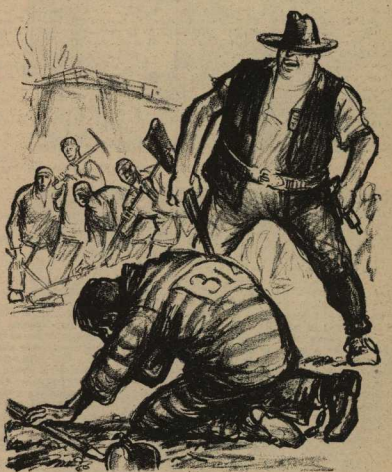
«Я врать не люблю и смертельно ненавижу тех, которые врут о принудительном труде. Я, как старик, без договора на определенное занятие в нынешний сезон до 15 декабря вырубил 450 кубометров лесоматериала и вывез на катиче 132 кубометра, получив премно мануфактурой на 40 рублей и заработав 450 рублей. Недавно и обещает у огня, который развел в лесу, не жели идти в избу и потерять время. И меня, как и всех дессорбов, лечили бесплатно.»

Вот мой ответ на нахальные нападки и брехню провокаторов.

Вы знаете, откуда летели эти строчки, дорогой Шук? Они летели со съезда советов. Старый Клыклов не только ударник, он к тому же член правительства—делегат краевого съезда советов. И писались они, эти простые, но такие памятные и искренние строчки в традиционные дни старшего тыльной масленницы с мякотью и банинами. Вы можете не сомневаться, Шук, старый ударник, как всегда был трезв и на посту. Ведь недаром на семидесятом году жизни, жилистыми руками перекалывая страницы букваря, он начинал грамотность свою и политическое крещение словами, которые знает у нас каждая кухарка, каждый малыш:

— Мы не баре, мы не рабы.

Будет день, мы верим в это с вами, Вильгельм Шук, и некий мировой ОГИЗ в миллиардах оттисков размножит эти слова на всех языках всех народов.

ВЕБЕР

марш Костыль

Д. Д.

Рис. А. Дайнека

С дороги! С дороги! С дороги!
Мы гвардия камен.
У нас были руки и ноги,
война их отгрызла навен.
Мертвым забот немног:
потихоньку впадай в перегой.
Ах, как трудно шагать в ногу,
когда этих ног—по одной.
Наш ротный урезан грубо.
Наш полковник—четыре ирюна.
Наш фельдмаршал—слошшой обрубон,
ползет по земле на руках.

Эй, хозяева! Мы ваши гости.
Нас не идали, но мы пришли.
Вы нам завинтили в ноги
прекрасные костыли.
Вы сказали—протезы проща
каной-то руки и ноги.
Вы сказали—слепые наоцупь
читают не хуже других.
А если бы трупы воскресли,
вы им пропидали бы прыть,
ведь это нудя полезней,
чем в братских могилах гнить!

Вы сказали—а ну, живее
За работу, и чтоб—на ять.
Вы сказали—на, то и новейвер,
чтоб безногих и нему припаять.
Не беда! Пусть последнюю ногу
оторвет заводским колесом.
Но до вашей хозяйской глотки
Мы свою лютерно донесем.
Мы—гвардия открытка
на деревянных ногтях.
И мы стучим, что близко
идет мировой Октябрь.

Перевод с немецкого С. Третьякова

КОМСОМОЛЦ-УДАРНИК ИГНАТУШЕНКО — АКТИВНЫЙ УЧАСТНИК КЛАССОВЫХ БОЕВ В СЕГОДНЯШНЕЙ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЙ СТАНЦИИ

МОБИЛИЗОВАННЫЙ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПОДГОТОВКИ ВЕСЕННЕГО СЕВА, ПРИНИМАЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО ПРАКТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В ЗАВЕРШЕНИИ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ, ТОВ. ИГНАТУШЕНКО ВЕЛ ДНЕВНИК СВОЕЙ РАБОТЫ.

ОТРЫВКИ ИЗ „БЛОКНОТА УДАРНИКА“, КОТОРЫЕ ПЕЧАТАЕТ „СМЕНА“, НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ЗАПИСЯМИ КВАЛИФИЦИРОВАННОГО ПИСАТЕЛЯ.

ЭТО ОПЕРАТИВНЫЕ ДЕПЕШИ С ФРОНТА КЛАССОВЫХ БОЕВ, В КОТОРЫХ ТОЧНО И СНАТО УКАЗАНЫ ОПОРНЫЕ ПУНКТЫ ВРАГА, ПРОРЫВЫ В НАШИХ РЯДАХ И ПЕРВЫЕ ИТОГИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ.

*каждый
также и
попы*

посевная тревога

(Из блокнота ударника)

К весне этого года на Северном Кавказе в основном должна быть завершена сплошная коллективизация.

Успехи весеннего сева зависят от успехов сплошной коллективизации, и наоборот—успехи сплошной коллективизации зависят от успехов подлинной большевистской борьбы за качественную подготовку ко второй колхозной весне.

Отсюда вывод: обремененное качеством будет оказывать бешеное сопротивление надвигающемуся социализму.

Весной этого года вместе с завершением сплошной коллективизации будет завершена окончательная ликвидация кулачества как класса.

Борьба за весенний сев, за новых колхозников—есть борьба классовая, сложная и решительная.

Все ли ячейки по-настоящему борются за сев и завершение сплошной коллективизации? Все ли ячейки по-боевому перестроились? Ответ один—нет, не все. Те ячейки, которые усвоили всю сложность задачи и напряженность обстановки работы,—правильно расставили комсомольские силы, качественно развернули массовую работу,—уже сейчас, за короткое время, имеют большие победы.

Наша комсомольская бригада проделала большой путь непосредственной практической пропагандистско-массовой работы в станицах, селах и деревнях Северного Кавказа. В этих кратких выписках из дневника нашей работы мы отразили трудности и достижения в борьбе за большевистский сев и завершение сплошной коллективизации.

18 января из села Медвежьего мы выехали в село Ново-Михайловское, расположенное в 18 километрах от районного центра.

Шутливый возник из коммуны «Красный май» беспрестанно пел, чмокая губами, пошевеливая кнутом морозе тело лошадей.

— Ну как, ребята? Может, на лысье поедет?—смеялся Макар, и предложил оставить арбу и переписать лошадей в линейку, которая стояла брошенной посредине дороги, в грязи под самые матрицы.

— Брось ерундить,—крикнули мы, сидя на боковом скате арбы. Перед нами из густых облаков серого тумана вперед показался правый фланг долгожданных белых хат Ново-Михайловской.

Вот и совет. Вошли в здание, наполненное суетливыми людьми в желтых длинных кожаных и полушубках.

— Дай раздельный акт, в колхоз впишусь.
— Гони 30 копеек,—ответил худощавый секретарь сельсовета молодому бодрому парню.

— Нет денег, после принесу.—Это сказал Гавриил Чалый, 20-летний собственник. Он пришел просить раздела с семьей, которая не желала идти в колхоз.

— Что тебя заставило разделиться?—начали задавать вопросы Григорию стоище.

— Матери сколько ни говори, она не хочет вступать в колхоз. Несколько раз до слез доводила. Теперь я разделю, поступаю в колхоз, в комсомол, и буду на тракторных курсах. Надоело мне работать одному, ведь в колхозе дружно трудятся.

— Сообща и отца веселее быть,—шутливо промолвил один из стоящих колхозников.

— А как отец смотрит на раздел?—спросили мы Чалого.

— Нет у меня отца. Вы там, наверное, прозякали большой курган, под ним вместе с моим отцом лежат 18 коммунистов, расстрелянных белыми в 1918 году. Отняли белые у меня отца, оставили он мне в наследство четверых детей, старую мать да матросскую фуражку.

— А что твой отец—матрос?

— Да, все время служил на военном корабле «Сенат».

— Его отец первый объединил матросов в борьбе с беззакониями,—добавил партизан Кирилл Муравев.

Это не единичные случаи, когда молодежь скорее воспринимает нарастающее новое и, не считаясь ни с чем, идет, становится в ряды борцов за социалистическое строительство. Это результат хорошей массовой работы местной ячейки, которая провела учет всей единоличной молодежи, в том числе и самостоятельных хозяев, с которыми систематически проводится агитпропаганда.

К вечеру мы могли провести неофициальное совещание комсомольского актива.

Ужекая включившая в посевную тревогу, но подлинной борьбы за большевистскую весну и завершение сплошной—не чувствуется.

И. ИГНАТУШЕНКО

Суеты много, а дела мало, и получается бег на месте. Нет четкой расстановки всех комсомольских сил, крайне слаба массовая работа. Тревога проходит не по-тревожному, к понуту инвентаря не приступили, посевные планы до бригад и двора не доведены.

В народном доме в клубе мы застали собрание участка «Красная нива». Бригадир Лукашев, вчера прибывший, ударной бригады МТС делал доклад о коллективизации и значении МТС.

Очистка семян триером

Сельсоветы подписывают договоры соц. соревнования на лучшее проведение сева

— 45 тракторов мы на-днях получим, МТС будет сама обрабатывать 23 тысячи гектаров. Обслуживали мы шесть сел. Сейчас у нас обучается 210 человек на тракторных курсах. В Лоджской строится гаражи для тракторов. Трактор не конка, не будет перепрыгивать через борозду. Сорники не убираются. Нам необходимо перепахать, сравнять, сделать большой массив.

— Весна не за горами. Раз трактор, земли нужно много, значит увеличьте меня и колхоз,— закончил свое выступление один из сидящих единоличников.

Вдруг растолкула толпу одна из женщин и начала:

— Граждане, семи у нас нет. Денег на тракторные акции нет, в колхозе меня забавляют, хлеборобов обдирают!

Нас страшно поразило такое выступление. После мы узнали, что выступала беднячка Серикова—жена красного партизана, которого больше живым закопали в могилу в 10 километрах от Ново-Михайловского села.

Вскоре секретарь ячейки открыл собрание с докладом «О подготовке к севу и сплошной коллективизации».

— Нет семян,—бросила снова реплику Серикова.

— А ну, не ори, это тебе не «Красная вишня», где ты верки берешь, а то за хвост да на солнце. Кричишь, запилилась,—сделал своеобразное замечание красный партизан.

Его поддерживали несколько голосов из толпы.

— Будет, законь кулацкий граммофон!

— Она новую инструкцию получила.

Председатель, сколько было сил, бил об стол карандашом, но собрание не успокаивалось...

Как обыкновенно, правление Ново-Михайловского колхоза говорит об одном из дела колхоза и колхозном строительстве.

Вдруг тихо открывається дверь. Входит на цыпочках Федор Сидоров с бумажкой в руке и прямо к председателю чинно и благодушно. Поздоровался, снял шапку, наклони голову до самого плеча батраку, заместителю председателя колхоза, Новочинину, и бух ему бумажку на стол.

В колхозе шшшш,—тонким голосом крикнул дед Сидор. А у Новочинина «губы не дура», задай-ка пару вопросов Сидорову.

— Что дашь колхозу?

— Как видишь.

— А ход, лошади, сбруя где?

Сидор покраснел и затурчался.

— Слыпа, зданет, все там, где Макар телят пасет, так говоришь? Кулака посадуша, дураков нашен. Ишь какая онора советской власти пришла!—говорила Новочинин. А Сидор встает пожимает маленькими газетками. Забыл, где и дверь.

— Стой, не уходи. Поправься, дед Сидор. Честный ты человек, знаю тебя, хороший, хозяйственный, не конфуза будь, поправь нечестный поступок, верни хозяйство, в колхоз прием, а пока—на твоё завлечение...

— Простите, нечестная сила с палаточку сбидла.—Сидор взяв бумажку, положил в карман и вышел.

Ремонт плуга в комнате им. Сталина на Херсонщине

старые счеты

Удаляясь вдали, синие дали, синие грани. Уходит пыльная дорога под копыта коней,—на Украине, на веселой голубой Украине всегда такая дорога. По ней уже в прошлом году проезжие люди замечали железные следы чужих-то невиданных чудовищных колес. Это были «крытые колеса» Катериллеров-Бердосенко-ского колхоза «Новый путь». Извистый старый путь, при «Новый путь». Тяжелая густая пыль покрывает край старого пути,—нист и асен «Новый путь». Вот пропали в два ряда стройные топики когда-то

кулацкой усадьбы. Тонкие, стройные, как личинки, топики уходят в весеннее небо,—и мы выехали в новые ворота, в новую жизнь, в новые впечатления.

Далеко за тыном поют девчата,—за тыном гудит велика, идет очистка последней тоны посевного зерна к севу.

Молод колхоз, как его комсомольцы, и оживлен, как весной его золотые сады. Вы знаете лирику цифр? По-моему, эти цифры может петь у края украинский кобзарь в своих легендах. Но в этих цифрах нет

ничего внешне легендарного, потому что бухгалтерия и счетоводство не знают легенд. Это лирика самого высокого и напряженного звучания: вместо 1200 гектаров в прошлую

большинственную весну, колхоз покрывает во вторую большинствоскую весну 12 000 гектаров; вместо зерна, протравленного в прошлом году на 12 процентов, будет зерно, протравленное в этом году на 94 процента. Это цифры внутренней рифмы. Но слен и жалок бед человек, который представит себе за эти цифры шифрами, пальцами безбашенных побед. Нет, эти цифры сочатся потом и кровью, чужой мстостью, своим предательством.

На бугре у тына стоил могучий молодой парень и гряз семечки, сдвинув картуз backwards: картинка, а не парень! Что за чуб, что

«Сбор семян—это хлебогаготовки, семенной материя отравляет и для обмена, а за границу. Не обобщайте пишецца, лучше продайте, все равно в колхозе будет государствену работу. Такой агитацией кулак пытается сорвать посевную кампанию, тормозя обобществление семенных фондов».

Кулак притворяется бедным. Он кажется очень тихим. Кулак сейчас ходит, как лизь по дну. Забрался в гаубочке подполье и, действуя через свою агитацию, проводит тракторную работу. Теперь он боится открыто выступить на собрании против мероприятий советской власти. Он, как правило; не дурак и знает, что контрреволюционные выступления жестоко караются, и он действует через других.

Основным агентом кулака обычно является законный середняк. В среде наших братьев по классу кулак ищет провокаторов, подкупая отдельных бедняков.

В селе Прегардом кулак подкупил двух батраков, которые выступили на всех собраниях против мероприятий советской власти и колхозного строительства. Из одним из собраний бедноты батрак Андрей Шелуха выступил и признался:

— Меня кулаки подкупили и начали агитировать против советской власти. Я признаюсь, и больше не буду. Пускай сами наступают, а мой совет не позволять, мне стыдно. Меня нужда заставляла, а сейчас мне дали помощь, а я на тракторных курсах учусь. Прошу прощения.

Это факт, но из факта нужно сделать выводы о необходимости более углубленно работать с батрачеством и беднотой.

Испытанный метод кулацкой борьбы против надвигающегося социализма, это террор. Классовый враг обрывает из-за угла, кирпичом, шиварем и натаном убивает передовиков колхозного социалистического строительства. Этим кулачество старается снизить революционную активность «средовых слоев деревни».

В селе Дмитчье кулак убил красного партизана Суя и мов а, активно работавшего на коллективизацию.

В селе Галыч кулакман убит батрак издатель партии ВКП(б). В селе Родики ночью заперли снаружи дверь бедняка и подожгли туру.

В селе Привалово кулак Емченко и Заренский объединили вокруг себя до 70 колхозных единоличников и законную часть. Прошли с ним соответствующую работу, проваляли денежку, раскладку, направили своих представителей в районы, где не проводится сплошная коллективизация.

Этим кулак пытается самораскаудачиться. Такая попытка кулачества была своевременно разоблачена.

В ряде сел группы ребят, под предводительством сына кулака, бродя ночью, терроризуют молодежь, идущую с собрания, избивают ее с предурждением:

— Если будешь ходить на собрание, жизни не дадим.

В селе Ново-Михайловском законитые крестьяне, доставляющие в Тисорскую спирт для Медвежеского спиртоводочного завода, всяческими путями воровали спирт. Устраивали гулянки, вечера, проводя антиколхозную работу, пытались водкой заглушить активность молодежи, развратными вечерами и посылками убит энтузиазм молодежи, оторвать его от борьбы за социалистическое строительство.

Борьба с кулаком и его агитацией, оппортунизмом, правым уклоном, как главной опасностью, и антиреволюционными занятиями и примиренчеством—есть боевая задача нас, комсомольцев.

Только в непримиримой борьбе с оппортунизмом всех мастей, только большинством наступлением на классового врага, под лозунгом ликвидации его как класса, мы сможем добиться решающих побед, большинства второй колхозной весны и завершения сплошной коллективизации.

М. НАСВИНОВ

ничего внешне легендарного, потому что бухгалтерия и счетоводство не знают легенд. Это лирика самого высокого и напряженного звучания: вместо 1200 гектаров в прошлую большинствоскую весну, колхоз покрывает во вторую большинствоскую весну 12 000 гектаров; вместо зерна, протравленного в прошлом году на 12 процентов, будет зерно, протравленное в этом году на 94 процента. Это цифры внутренней рифмы. Но слен и жалок бед человек, который представит себе за эти цифры шифрами, пальцами безбашенных побед. Нет, эти цифры сочатся потом и кровью, чужой мстостью, своим предательством.

На бугре у тына стоил могучий молодой парень и гряз семечки, сдвинув картуз backwards: картинка, а не парень! Что за чуб, что

за брони! Но злая усмешка горела в его глазах, когда он смотрел на гряды и запыленную группу у вельки. Их здесь много, крашенных, в деревнях, бувавших когда-то пыльным кулацких разбоев, этих молодых кулацких сынков, этой кулацкой молодой гари. Это их отцы, Титы, владельцы 600 и 800 десятин, вписанные когда-то в хозяйские книги штрафы, напечатанные в конек.

— За разбитый стакан—25 конек.

— За удар цепной сошкой—полтинник.

— За недочесту сарая—35 конек.

Это их пансион ворахатаи когда-то культурной и чистой переселенки в бывшем «Телеграф. Бессаветградском Городском банку. 16 июня 1913 года. Перевозу на мой текущий счет № 1106 из села Безродного пять тысяч рублей (5 000 рублей). Сообщите о состоянии дела. И. Г. К.

Эти люди сохранились, пройдя бурю трех революций; кулаки от времени до времени разворачивают агитпропаганды такой силы, что позавидуют. может быть агитпроп. Враг не спит. Стенгазета безродненской комсомольской ячейки помещает стихотворение батрака Абрама Куража, который пишет:

Враг не спит. Кулак широконозкий
Точит зубы на колхозный сев.
Эх, ударим же его, ребяты,
Чтоб и не крикнул он, присев.

Враг не спит. Враг ходит среди колхозников, напешивает, провоцирует, пускает ложные слухи. Он умеет активизировать баб—по-своему, так, что они забывают своих комсомольцев. Он мобилирует старых делов, беззащитых, жалких, из которых песок сыплется, и ставит их на службу своей политической работе. И они выходят в ярий воскресный день на базар и информируют, что в соседнем скруге уже уезжает в границе асех обществяных лошадей, что в инкубаторах испекли сто тысяч яиц, что во всех православных церквях будут выступать фокусники с жоками в зубах и развлекать продавщиц сатане колхозников.

И ползут ужуны, подымают головы провокационные вопрепительные знаки—из бабыного беззубого рта выползают они на улицу, на базар. Так мобилиует кулак и гнилушу безнадякую старь и свою молодую гвардию.

Где же твоя слава и действительность, кулацкая молодая гвардия?

Прошли те времена, когда чубатые молодые кулацканы могли бить стекла в сельбуре, срывать портреты вождей, утиять комсомольцев. Теперь с такими вещами не только не шутят,—можно, например, заранее сказать, какой герой социальной защиты оборачивается такая вылазка. Но если вражеская работенка идет где-то внутри, под покровами, тихо журча и подтачивая, то от этого она не безопасней, а наоборот. Вот об этом-то и речь.

Батрацкая бригада (четыре парня, каждому по 15 лет) ходила по дворам собирать семенной фонд,—кулачество сырало сев утаиванием семенных своих запасов. И было много разговоров по дворам между комсомольцами и «хозяевами»—это были встречи почти на поле битвы. Но самыми «лучшими» были встречи между этими восемнадцатилетними батраками и восемнадцатилетними кулаками. Видели вы ли ненависть, батровой струей растекающуюся по лицам встретившихся врагов?

И вот пришлое четыре батрака «трусят зерно у Ивана Григорьевича Коропенко, бывшего владельца 500 десятин. Гость, непрошенный, четырехжды прокатный гость за последние по украинном местам, разсыкаясь семенные запасы—основу всякого сева. И у Ивана Григорьевича Коропенко, владельца 500 десятин, в недавнем прошлом уважаемого человека, вломали клуны, вытащили действительно спрятанные одиннадцать мешков пшеницы из змы, взяли груз на подводах. Мешки грузили на подводы с трудом,—собрался селяне, из полсаидника вышел молодой Гавриил Коропенко, молодой сынок уважаемого хозяина Коропенко, и налившие кровью глаза безмолвно свидетельствовали о том, что старые сесты ведутся крепко и их попытаться свести. Этим глазам, вероятно, глядели на залитую красной краской карту Украины атаман Тютюник,

атаман Петлора, атаман Зеленый, когда весной 1919 года они провели свой первый национальный сев. Много братских мешков выросло на волевой украинской земле, много седых курганов, напиченных внутри костями и черепами, омываюых холодными дождями. И через много лет, в новую эпоху нового сева, встретились два молодых парня у двора того Ивана Григорьевича, который организовывал в горячие времена 1919 года в Безродном продовольственное снабжение атаману.

— Ну что, вражий сын, доволен ты своими черными делами?—вышелли из палсаидника, спросил молодой Коропенко.

— Да так вот это еще все,—усмехнулся батрак Околот, но губы его задрожали от сдержанного гнева,—мы к тебе через парную дерюгов еще заглянем. Забердем в гости. Новое еще хвалят.

— А в церкву христовой молиться ты мне еще не запретишь, красавец?

— Кто запретит?—взвизгнула за спиной хозяйского сына какая-то баба с рыбым нехорошим лицом.—Кто? Все пойдём в церкву. Не запрети. Bee! Bee! Пойдем! Не запрети! — Молись, жаба,—с отвращением повернулся Околот,—своих десятин не отмолишь. Не отдадим. На-ю, выкус.

— Ну что ж,—поборовел сынок, но сохраняя спокойствие,—погуляем еще по просторам. Ведь погулять-то по вольным просторам не запретишь, черноборый?

— Нет, зачем же,—усмехнулся опять батрак Околот, но верт разобрался, на что намекает сынок и о какой гульбе на вольных просторах говорит этот собеседник, опорный кадр отгулявших да отсвервавших Тютюников. Поблелено, он крикнул во весь голос, на весь уланчу, со злой радостью:

— Погуляем!

И еще раз:

— Эх же, и погуляем же!

Вспомнить надо об этих классовых гульбах потому, что еще свежа рана воспоминаний о том, как добивалась украинская беднота права на свой сев, как ломались гайдамацкие шапки о большевистские шапки и какой кровавой ценой заплатила батрацкая Украина за свою возможность социалистического сева. Она уже сохранила лицом к лицу, эти обе молодые гвардии,—не было еще тогда «Нового пути»,—и смертельными осами вилась пуга в густой листве прекрасных тополя. Были бои под Безродным, были вселикие, незабываемые дни комсомольского налета на конисто из Гаврошек Коропенко. Вот альюбная динтовка, которую разбрасывали кавалеристы атамана Тютюника под Без-

родном весной 1919 года, когда он хотел обеспечить Ивану Григорьевичу успешное проведение его сева:

„Селяне

1. Мы воюем за то, за что и когда-то волевали за право украинского народа наводить порядок на своей земле.

2. Идет весна, готовьтесь к севу. Будем выпроваживать непрошенных гостей. Вытвояки должны быть прочищены и смазаны.

3. В час востания на один враг не должен уйти с Украины. Все оружие, отобранное у врагов, должно быть в руках украинцев.

4. Все державы мира признали независимую Украину, только коммунисты против нас.

5. Засеяйте землю. Хлеб соберет тот, кто его поесет.

Атаман Юрко Тютюник, Кто же не видит, что сев—это вовсе не агрономическая операция. Сев—это самая стугущеная политика, это сконсаидированная классовая ненависть. Сев—это битва двух сил, эта битва лишь недавно была шпанельной и пуленетной. Кровавые зареки плавали над богатыми жирными землями, право засева которых оспаривали друг у друга пуленетными лентами отец Околата и отец Коропенко.

— Погуляем еще на просторе!

— Погуляем!

Комсомол, батрацкий комсомол, если тебя вызовут на вольные просторы, ты не только не откажешься,—ты вляжешься в эту гульбу с той стремительностью, которая опрокидывает и сметает. А покс—звонок смеет денчат за тыном, весела молодость весной, когда цветет не только степная зелень поросли, но шветет ярким пыльным цветом человеческая зеленая поросль. Вевь весь наш век—это исследуемая эпоха огромного сева, и сет рука зюхи самым добротным жирным зерном, промытым и протравленным.

Гудит в «Новом пути» велька, идет ошстка последних мешков зерна. Грохот машинного барабана, топот горчичных коней. Откуда этот топот коней? Кто это несется вьюрем на взмыленных конях? Ах, да, мы же его узнаем. Это Околот понесет тревожно в степь. Он ругается отчаянным руготом в колхозной мастерской и истратил много крутых словесных оборотов, пока достал гайки. На поле исполнялась запяная сета трактора. Живей, горчей, друг Околот! Торони коней,—жизнь требуют.

Нолхоз „Бальни“ („Сельчань“). Илхозники везут в вул „Динне“ с.х. инвентарь

Человекострой

С. ЛЮБИТОВ

Противоядие энтузиазма

Директивы были сформулированы четко: харьковский тракторный завод строить большевистскими темпами, превзойти Америку, на рекорды ответить сверхрекордами—первого июля 1931 года включить первый ток и выпустить первый трактор.

Сроки узки, сроки требуют напряжения. Но там, где нужны темпы и ответственность за дело, — спокойствие, хладнок и апатия. На стройке прорыв следовал за прорывом. Производственные программы не выполнялись. Не было никакого учета себестоимости. Прорывы вошли в систему. На стройке не было ударников.

Тогда произвели хирургическую операцию. От непосильных обязанностей освободили начальника строительных работ Всеволодского, секретаря партколлектива, председателя стройкома и секретаря комсомольского коллектива.

Пришли новые люди. Шестидесятитысячный коллектив тракторостроителей пошел наступление на огненную площадку. Комсомольские бригады, батальоны, группы и отряды переходили с одного узкого места стройки на другое, ком-

сомольцы шли туда, где являлся прорывом нужно было убить противоядие энтузиазма.

Даны точные сроки окончания строительных работ по механическо-ремонтному цеху Рухами строителей преувеличенные сроки не речеркнули. Ударники до срока окончили цех.

Бетонировка механическо-сборочного требовала многих недель. Ударники-бетонщики объявили две штурмовые ночи. Работали без отдыха, разрывая границы суток, невозможное делая возможным. Тракторостроителям помогают рабочие и комсомольцы харьковских заводов. Ночь превращена в день, стройка горит огнями.

Бригада Марусина работала не покладая рук. В бешеном напряжении работали бригады Мисягина, Голубова, Барчукова, Кривиченко. Рекорды вызвали крики восторга, а через день-два от этих рекордов отворачивались—они уже казались старчески-дряхлыми.

В каком-то официальном документе комсомольцы коротко записали: Благодаря двум штурмовым ночам, творческой инициативе строителей и размаху ударничества бетонировочные работы по механическо-сборочному закончены на 36 дней до срока.

Над механическо-сборочным и механическо-ремонтным зажглись красные звезды.

Сельмашстрой. На помехе мушкетер-рисовальщика цеха

З езды рассекали ночную темь.

Б ла эстафет рекордов. Нужно выстроить дет-ий дом. Комсомольская организация берет шефство над котлованом дома. Котлован назван комсомольским. Бесчисленное множество трудностей: нехватает материалов, запыдают чертежи и сметы, нет людей. Стиснув зубы, работали.

Против комсомольцев, насмеявшихся над старинкой, выступил бригадир старых каменщиков Моголь. Он распева о комсомольцах ядовитые наутки, издевался над «зеленой храбростью» и тихо, чтобы никто не слышал, отдавал приказ членам своей бригады заменить новые балки у комсомольцев—гилялами. Ехидно улыбался и друзьям своим говорил:

— У комсомолов домик будет с червячком. Ничего не удалось Моголю. Комсомольцы заменили балки и продолжали работать.

Мировой рекорд казды кирпичей равнялся 1.350 штукам в смену. Но этот мировой рекорд был поставлен отборными рабочими, за которыми были десятки лет опыта. Отсутствие навыка и умения комсомольцы восполнили настойчивостью и упорством. Комсомольцы укладывали по 1.300 кирпичей в смену. Комсомольский котлован был закончен за восемь дней до срока.

Бей помощников Рамзина!

Зима выдалась лютой. Ртутный шарик в уяске бросился вниз по термометру. Ледяные ветры гуляли по площадке, жгли руки и лицо, заметали снегом крыши, окна и двери. По строительству были разбросаны стихотворные доуэны:

**„НЕ ПОЙДЕМ НА ПЕЧКУ ДОМОЙ,
БУДЕМ РАБОТАТЬ И ЗИМОЙ“**

Когда мороз лютым зверем бегая по строительству, комсомольцы комсомольской ячейки пришли штурмовать восьмой участок. Прораб высунул нос из воротника, поспешил спрягать его обратно и сказал:

— Сегодня слишком холодно, работать нельзя.

Комсомольцы ответили прорабу, что он напрасно беспокоится о них и что вовсе не так страшен мороз, как его малюют. Четыре часа работали 350 комсомольцев при 25° морозе.

Нужно было выработать 880 метров земли из бунсеров. Обычно выработку производили при помощи взрывчатых веществ. Силой удара земля разрывалась на куски; тогда оставалось только убрать уже обесслевленную землю. Но из этот раз взрывчатых веществ не было.

Путистрой. На стройке мазельбетонной крыши

Земля замерзла, было очень трудно выбирать ее руками, и вестники вывалили. Нужно было вырыть 880 кубометров. Выбрали 880 кубометров.

Зима все-таки «регулювала» трудовую дисциплину. Чем сильнее был мороз, тем выше поднималось количество прогулов. Строительные работы оставались без людей, машины — без хозвез.

По всему строительству, по всем баракам и участкам было передано решение комсомольского комитета:

«С 20 января по 10 февраля объявить двухнедельную борьбу за трудовую дисциплину»

23 ячейки вступили в соревнование. Проблема «кто кого» расширявалась так: или уничтожим прогулы, или прогульщики... победят стройки. После этой проблемы встала вторая: кто? кто получит Красное знамя? кто получит свидетельство похвальной бездельности — рогожку, издевательски нацеленную на необстроянную палку?

Ячейки использовали все средства агитации и пропаганды. По строительству прокатилась волна митингов, комсомольцев прикрепили к общим бригадам, чтобы бороться за каждый час работы, за каждый выход на стройку. В творческих муках рождались плакаты:

«Бей прогульщика и летуна — помочинов вредителя Рамина!»

Плакаты звали на идеологическую борьбу с летунами, прогульщиками, на состязание за каждый отнятый у прогульщика день и даже час.

Когда итоги двухнедельника были разложены по ведомостям и сводкам, тракторостроительский комсомол созвал слет ударников.

На слет пришло две тысячи человек. Красное знамя за лучшую работу получила вторая ячейка. Секретарь второй комсомольской ячейки Промодяев Соломаха радостно улыбался. Он пошел к Литвиненко, кировскому шахтеру, зоомаркетику комсомольского комитета, протянул вперед руку, крепко сжал палку и ушел, унося знамя с собой.

Литвиненко сказал двум тысячам ударников:

— Жухе все работа комсомольская ячейка № 13. Ячейка не провела никакой массово-оперативной работы для борьбы с прогулами. Ячейка, правда, принимала всегда очень хорошие резолюции, но толку от резолюций никакого не было. Вместо того, чтобы за время двухнедельника снизить цифру прогулов, ячейка эту цифру повысила с 6,5% до 8,6%. Есть предложение рогожное знамя преподнести 13-й комсомольской ячейке.

Здание ремонтного цеха

рвался на колхозном дворе трактор. Досадно, что он вышел из строя в середине дня и до вечера простоял в поле без дела. Тракторист, самый знакомый с машиной, промывал зря до вечера, а вечером привез ее в колхозный двор и сдал Гриню.

— На, чини! Делать тебе все равно сейчас нечего, а у меня бюро ячейки безбожников.

Было уже темно. Работать Гриню пришлось с фонарем. В сущности, и ремонт оказался пустовым. Ломая палку напертяжку у рычага и ее нужно было «сшить» заклепками. Эка, поумящ, невдала!

— Уж не от этого ли трещит моя головушка? — наשמилво подал Гриня.

Часов в десять вечера скрипнула калитка. Вошла Катя.

Она устало присела около Грини. Гриня привнесло улыбку и окинула взглядом всю ее крепкую стройную фигуру.

— Отработалась?

— Ага! — сказала она и, загораясь рукой от света фонаря, также привнесло улыбку на Гриню.

— А скоро диплома выдашь о ликвидации?

— Скоро, скоро, прямо хоть в вуз без экзаменов! — пошутила Катя. — А ты скоро нынче кончишь?

— Последнюю заклепку.

Гриня положил под перетяжку обухом топора и заступил молотком.

Было тихо, и сухой металлеский стук делал далеко-далеко и отдавался где-то в лесу. Его эхо было похоже на далекое кукованье.

Секретарь комсомольской ячейки № 13 Забарский «предусмотрительно» на слет ударников не явился. Знамя приняла Катя, агитпроп ячейки. На знамени была похвальная надпись: «Худшим из худших за черешнями палками». Сбоку был нарисован орден прогульщика.

Литвиненко передал необстроянную палку с рогожимым знаменем Ткачеву. У Ткачева дрожали руки и заплетался язык. Он говорил что-то, путаясь и волнуясь, о том, что тринадцатая ячейка вполне заслужила это знамя, ибо работа действительно не проводилась, ибо в ячейке действительно царил холодок и апатия. Ткачев закончила свое реч так:

— Мы обещаем подтянуться. Через месяц Красное знамя будет нашим.

И ушел, унося с собой рогожку, наשמилво поворачиваясь на палке.

Знамя принесли в ячейку № 13 и председатель цехкома, комсомолец, сам прибил его к стене. Возле знамени собрались группы рабочих Водострой. Если кто-нибудь, увидев рогожку, недоумевал, мрачно отпущая говорок и ругаясь — значит это был все же водостровец, на долю которого тоже приходилась часть рогожки. Если дружки подшучивали кто-нибудь — значит это был чужой, с другого участка, на долю которого не приходилось ни одного миллиметра рогожки. Поэтому он мог посмеяться и улизнуть.

Рогожка сделала свое дело. О ней говорили в бараках и автобусах, на участках и ячейках, в столовых и красных уголках.

Рогожку на 13-м участке возненавидели, как можно ненавидеть только свидетеля преступления. Водостроители поставили перед собой задачу: обменять рогожное знамя на Красное. И выбрали референдум для борьбы с прогульщиками.

Гигантский тракторный завод строится под Харьковом, но строить его все заводят, строят его рабочие всего Союза: на десятках крупнейших заводов изготавливается оборудование для Тракторострой.

Заводы-поставщики словно створились: несвоевременно выполняли заказы, задерживали присылку машин и станков, перечерчивали свои же сроки, бесконечно удлиняя их. Вессонное электрообеспечение должно было в апреле 1930 года доставить на строительство 1100 моторов нормального типа и около 1000 малых габаритов. В течение ударного квартала Тракторострой должен был получить половину этого количества. Но production в апреле ХХТ составил только 44 мотора и... ни одного габарита.

К декабрю 1930 года завод «Электросила» должен был изготовить для харьковского Тракторострой 26 моторов. Срок прошел, заказа не был выполнен.

Тракторострой буквально задыхался в колее невыполненных заказов. Ростовский толевый завод задерживал тысячу рулонов толя; Куляевский кирпичный завод не отгружал

Здесь будет летательный цех

3 миллиона штук кирпича; завод им. Бадаева, под Ленинградом, который должен был изготовить 2500 квадратных метров высокоортного стекла «Монокс», не изготовил для Тракторострой ни одного стеклашка.

Нужно было найти такие формы работы, чтобы связаться с заводами-поставщиками, чтобы всех поставщиков вместе с харьковским тракторным включили в неразрывный круг одного конкретного дела. Так родилась у комсомольцев Тракторострой мысль создать буксирную семерку. Семеркой управлял комсомолец Терещенко, буксирная группа разрабатывала форму социалистического иска и во все города Союза, на все заводы, во все комсомольские комитеты полетели тревожные письма.

Социалистический иск получали на стройке право гражданства. Буксирная семерка комсомола Тракторострой связывалась с цехами и отделениями, получала от них сведения о задержанных заказах, пересылала эти сведения в комсомольские организации соответствующих заводов, требуя, настаивая на немедленном выполнении заказов.

Тревожные депешки подталкивали хозяйственников и активистов, заставляли напряженно думать о Лосевской площадке, которая войдет в историю, о гигантском тракторном, который будет эту историю продолжать.

Прокатный цех завода им. Петровского должен был изготовить для Тракторострой круглое железо. Половину заказанного количе-

— Ну да, vuoi и тот самый подъезд, кто видел во сне. И эта комматка, и этот бужет романш. На гвоздике висит платье, в котормо Гриня Зина.

Гриня подошла и пощупала платье. Нет никакого сомнения. Покладка голозой и, стиснув ее руками, старался осознать, как же он из колхоза поехал в Москву, да еще в комнату Зины, где он никогда и не был. Ведь трактор-то он вчера чинил? Ведь на прогулку-то с Катей он собрался.

На столе вбодке романши лежали письма. Одно — свернутое, другое — без подшивки и оборотов на полуслове. В первом Гриня узнал руку Сашки Рывтянчикова, единобратника по работе в колхозе. Другое, незаконченное, было написано Зиной...

Гриня взяла письмо Рывтянчикова, затем — Зины...

«Здорово, Зина! Получил тво письмо. Ты просишь написать, как было? Изволь! В этот вечер я накручивал доске Катиней беседе книшкку и в избу принял поздрав. Лучиш, нын хозяин, уже спял. Я поел шей и лег отдохнуть. На дворе думелся гроза. Из догго лежал прислушивался к грому, думал о нашей ячейке, о фабрике, о ребятах и незаметно задремал. Пронюсился я от скрипа двери. Кто-то вошел и по стенке, наощуп, стал осторожно красться в глубь избы. Мои глаза привыкли к темноте и острю ясно различали тень вошедшего.

По правде говоря, я боялся дышать. Я думал так: если бы это был не шей, то к чему тогда такие предосторожности с его стороны? К тому же, Гриня, наверно, спит без задних ног. Струхнула я в общем здорово, потому что накануне наша бригада получила записочку, в которой неизвестные сволочи писали: «Вы помогаете уни-

... в эти сволочи прячутся в лесу

чтожат нас коллективами да тракторами. Помните: мы будем уни-чотать и тракторы, и вас! Вас—в первую очередь! Не пытайтесь размысливать психаных этих. Все равно не найдете. И я подумал: не один ли из этих сулчинок?

Вонеший остановился против окна, у лавки, где обычно спал Гриша. Да ведь это же и есть сам Гриша. Это же его намочные космы волос. Его силуэт. Я сразу успокоился.

Шум дождя к этому времени усилился. Теперь уже это был не дождь, а настоящий ливень. Вдруг раздался оглушительный удар грома, от которого, казалось, вот-вот рухнет ветхая лачужка. Я при-поднялся и сел. Я дрожал. Не от грозы. На фронтах и не такое бывало.

Гриша тихо хохотал, хлопая руками, словно крыльями, о подушку. И от хохота я застыл, я открыл рот, мне недоставало воздуха, я не смел шелохнуться,—так был непритен и нежен ночью этот смех. На печь зашевелился Лужкин и недовольно забормotal. Хохот прекратился. В это время дождь как-то сразу утих и в избу заглушил месин. В наступившей глухой тишине я четко слышал стук своего сердца. Но затишье это продолжалось не более минуты. Хохот возобновился.

Тогда я, преодолевая страх, подбежал к Грише и крепко схватил его за руку.

— Что ты хохочешь? Ну? Ну, зачем ты хохочешь? Спать надо!

Гриша сразу умок и уставил на меня застывшие глаза. Тогда я еще крепче сжал его вялую и, как мне казалось, липкую руку.

— Слышь, спать надо!

Гриша померещился и прошептал сквозь зубы:

— Пусты, боюсь. Никто здесь не смеется.

Я отпустил руку. И как только и это сделал, Гриша приподнялся на локтях и прошептал:

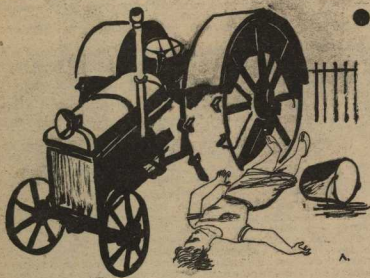
— Как ты попал сюда? Я крепко запер двери. Ты в окно влез, да?

Гриша озабоченно насулила брови, а потом расхохотался и игриво хлопнула мне по плечу.

— Они думают, что если поднимат плуговую перетяжку, то трактор не будет работать! Ого! Тракторные колонны наступают, взрывает землю и даяв гадов на своем пути, и никакие вредитель-ства не в силах остановить их гуда. А эти сволочи прячутся в лесгах, лишут завсочки и по-волочи вылоздают ночью. Дудочки!

— Ну, что выпучил белыми-то? Жива, чорт возьми, жив! И сейчас поведу с Катюшкой трактор в поле. Катюшка устала сегодня, и ей хочется подышать свежим воздухом. Обменяем на радости!

...ее нашли у трактора

Гриша совершенно искренне хотел меня обнять, но я, не к чести будь сказано, в испуге, стуча зубами, попытлся, наткнулся спиной на чье-то тело и еще пуще перепугался, быстро обернулся и успокоился. За мною стоял Лужкин. Он молчаливо смотрел на развеселившегося среди ночи Гришу и держал в руках ковши с водой. Руки дрожали, вода плескалась на пол и на мои босые ноги.

Гриша пласал, смеялся, лед, взмывал белыми рукавами рубашки.

Наконец он упал в беспмятстве. Ну вот и все. Остальное ты сама знаешь.

В заключение скажу, что задержанный тракторист во всем сознался, и кулаچه гнездышко благополучно сцапали в Гудовских лесах.

Если будешь писать, то торопись. Через неделю выезжаю. Привет ребятам!

Второе письмо было короткое. Зина, видимо, торопилась.

«Привет, Сашка! Спасибо за письмо. Я показала врачу. Врач подтвердил мое мнение: Гриша получил легкую контузию. Две недели Гриша был в беспмятстве и только позавчера впервые пришел в себя, но был так слаб, что тут же уснул. Врач сказал, что теперь все в порядке и Гриша в больнице не нуждается. Теперь его нужно направить в санаторий. Сегодня же и это сделаю. Иду граться в Златоворот. Сейчас он спит у меня в комнате... За...»

На этом письме обрывается.

Гриша провел рукой по глазам, словно хотел сбросить пелену, заставлявшую его сознание, и устало опустился на стул.

Две недели отсутствия расудда и памяти! Две недели пробыл в беспмятстве от какой-то дурацкой контузии, от какого-то удара! Так вот почему молчу голову. Вот почему ноют его мышцы—от двухнедельного лежания! А в это время жизнь ни на одно мгновение не сбавило своих темпов. И люди в стране работали попрежнему, строили и выполняли каждый свое задание.

Гриша вдруг вскочил, поискал в комнате кепку, толкнув ногой дверь, и в три минуты оказался на улице.

В фабрике его встретили очень внимательно и с некоторой опаской. Все знали содержание письма Рытвиничком. Был конец дня, и в фабрике о чем-то оживленно беседовали. С приходом Гриши все умякло. О! подозорился с присутствующими, затем подошел к столу предфабрика Гульбинской. С нею рядом сидела Зина. Гриша крепко пожал ей руку.

— Загря тебе в санаторий... В Сочи! Счастливички!—сказала Зина.

Гриша сделал шутливый поклон и поблагодарил.

— Неужели раздобыла путевку?

— Не дожидалась ответа, уже серьезно обратился к Гульбинской.

— Сколько я проработал?

— Две недели.

— А сколько надо?

— Полтора месяца.

— Процент выполнения задания?

— 30.

— А когда отправляется следующая бригада?

— Загря вечером в Туркестан на сбор хлопков.

— Прошу зачислить меня в первую очередь.

Зина всплеснула руками.

— Да ты посмотри на себя сначала, чудю! Тебе не в Туркестан, а в санаторий надо.

— Это твоё личное мнение...

И вдруг, неожиданно для всех, спросил:

— А где Катя?

— Где Катя?—переспросила Гульбинская, и, борюча что-то под нос, начала усердно рыться в бумагах на столе. Она вспомнила о чем-то спешном, но терпящем отлагательства.

Гриша посмотрел на Зину. Зина заговорила оживленно с угре-ватым пареньком—секретарем инспекции. Остальные, глядя на Зину, и паренька, внимательно слушали.

— Ну?—напомнил он, вновь уставясь на Гульбинскую.

— Она не переставала рыться в папках.

— Нет, о своем мерине,—нерастороно усмехнулся Гриша.

— Катя далеко!

Сказала, и обогченко вздохнула, словно вязанку дров свадила, и перестала рыться в бумагах.

— Где далеко? С Рытвиничком вместе?

— То-есть не далеко...

И вдруг, вспыхнув, почти прокричала:

— Да какое мне дело? Чего ты привязался ко мне...

И дальше Зина дрожанием голоса рассказывала:

— Ее нашли у трактора... Между трактором и ею стояло

ледро с водой.

В фабрике стало тихо. Гриша долго смотрел в окно. За окном на спортивной площадке играли в футбол, и красивые дружной пасовской загоняли мяч в ворота синих. И Грише припомнились,

как вошла Катя и устало, с счастливым улыбкой села подле него на полено, как зарывалась рукой от света фонаря...

— Так!—проткнул он громко.—Так...

Надев кепку, толкнул ногой дверь и, выходя, сказал Гуль-

бинской:

— Смотри же, чтоб с первой бригадой!

Комсомолец паровозной бригады Ред. деп. Машинист т. Егоров и пом. т. Пелянов.

Провы на транспорте еще не ликвидирован. Партия и комсомол мобилируют все силы работников класса на борьбу с безобразиями и развратством и развратством в работе железных дорог страны. Обладанная езда на паровозах, когда никто персонально не отвечает за машину, пробки на узловых станциях, крушения, простой вагонов... — все это должно быть по пяталетке, тормозят ее выполнение в четыре года.

Очерк тов. Грина написан в вагоне редакции комсомольской газеты «Большевистская Смена». Выездная редакция побывала на всех узлах Северо-Кавказских железных дорог, где организовывала массы комсомольцев и беспартийной рабочей молодежи на штурм транспортной «оболочки».

Добиться правильной расстановки сил на железных дорогах, изменить обстановку в стране и в области железных дорог, выдвигать предельно высокие требования и продвигать свои кадры во все звенья транспортного аппарата, — вот боевые задачи каждой транспортной комсомольской ячейки.

И побегут паровозы...

М. ГРИН

1. Вагон 502

На стенке вагона 502 полочится плакат на красной материи: «Ударная выездная редакция газеты «Большевистская Смена», орган крайкома ВЛКСМ».

В вагоне 502 человек, которому и присвоено это громкое название.

На транспорте провин. Кривая Северо-Кавказских дорог не вывозит. Комсомол на транспорте работает скверно. Ячейки станций и депо не знают, за что схватиться, не знают, что на сегодня главное. Им нужно показать, как работать, их нужно научить за часами видеть большое, их нужно отучить от примитивного отношения к безобразиям на транспорте. Вот для этого и ездят по Северо-Кавказским дорогам вагон 502.

Когда в вагоне 502 начнется день и когда он переходит в ночь,—вам никто не скажет. В 8 утра заходит за газетой, в 12 ночи, смеясь с вахты, «заносит» свеженькую заметку, в 9 часов вечера приходит с рапортами сигнальных постов. Подлинная «неперывка». Ночь и день хлопает дверь в вагоне 502, ночь и день ходят кондукторы, машинисты, смазчики: 34 заметки приняла выездная редакция за один обычный ноябрьский день, с 60 человеками разговаривали сотрудники редакции.

В чем же дело?

Какие методы принимает редакция?

В чем секрет работы?

Массовая оперативность и оперативная массовость. Нужно было раскатать узловую организацию, организовать на непримиримую борьбу со всеми тепловозами, на борьбу с проявлениями правого оппортунизма на практике.

Ведь знали же все в Краснодарском узле, что главный нарядчик Кобзев, член партии, скит не дает комсомольской кондукторской бригаде, что нарядчик Миртов, чуждый по происхождению, использует правую логистику Кобзева.

Знали и говорили и «неперывным» считали... но мер—никаких. Партийная ячейка молчала, комсомольская ячейка своего мнения не высказывала, а массы шептались за углом. И только когда вышла газета с материалами о замкнутых, выпущенная выездной редакцией, только тогда сяды Кобзева и Миртова. Тогда посыпались заметки: маленькие, грязные, при свете фонариков написанные машинистами «эховских» паровозов, с припиской в конце «продерните во всю» и большие, аккуратные, каллиграфическим почерком выведенные с заголовками: «Кто к вопросу о диспетчерском аппарате».

Краснодар, как говорится, «защавился».

Через все пути, от Тихорецкого до Новороссийского парка, стоят составы. Нефтяные цистерны из Грозного, изотермические вагоны из Кисловодска, платформы из Абинской и просто товарные вагоны со всех дорог Советского союза. Стоят неделями, стоят месяцами.

Кондукторские бригады, ведшие их, уже следят по 10 оборотных рейсов, уже разворовали по разным станциям красивые ниточки товарных маршрутов, а в Краснодаре стоит порожняк, стоит и талым жаром наивает на станцию, связывает, не дает работать. Нельзя принимать важные маршруты, негде проводить нужные маневры. Ходят по пути «люди» из диспетчерского аппарата, подлазуют под вагон (пути всегда заняты), ругаются и не принимают никаких мер.

В вагоне 502 ночью заседает редакция и узловой комитет, нужно расширить пробку на станции.

Ночью в 12 часов расходятся комсомольцы по постам. По всей станции, начиная с кабинета начальника и кончая стрелками,—езде сигнальные посты.

Четыре ночи дежурят комсомольцы, четыре ночи звонят они по телефону 06 в вагон 502...

И сегодня утром печатник Петр Яковлевич, который ложится «раньше всех», кричит на весь вагон:

— Смотрите, дома видны, деревья видны. На путях пусто,— весь порожняк угляни.

2. Завтра—бой

Паровоз входит в депо через круг. Чтобы попасть в свои ворота, он ставится на огромный вращающийся круг, его поворачивают четверо рабочих, и он входит танкером на нужный путь.

Войдем и мы в депо через круг. Через тот круг Краснодарского депо, который стали менять как-раз в разгар осенних перевозок, через тот круг, который передавала несколько раз и который не пригоден к работе и сейчас.

В депо есть шесть канав, они выложены кирпичом, и в них все время лежат рабочие, которые ремонтируют низ паровоза—«жидляк». Паровоз входит в свои ворота, ставится на предназначенную ему канаву и все время ремонта стоит один, без соседей.

Семь паровозов в месяц ремонтирует Краснодарское депо уплотненного ремонта. Только семь. Но никогда еще не было такого случая, чтобы вставали все канавы депо.

Администрация Краснодарского депо «удовольствие» ремонта семи паровозов растягивает на весь месяц.

Паровоз простанывает в ремонте четверо суток и ни минуты меньше. Такова норма.

Истекает четвертые сутки, кончается ремонт паровоза, его заправляют, он выходит из депо уплотненного ремонта, поворачивается на круге и... идет в депо текущего ремонта. Потому что паровоз, который ремонтировали четверо суток четвернадцатый человек, не годится к работе: текут трубы, парит инжектор, не залатана пробочина в котле. И паровоз из депо большого ремонта направляется в депо маленького ремонта, где будут исправлять все эти мелочи.

На Краснодарском узле выплывают 677 экземпляров газеты «Гудок». В газете читают про факты провиня на транспорте. Читают про то, как в депо ст. Подмошановая ремонтируют такие же самые паровозы в 16 часов вместо 40—50. Читают про такие же достижения в Полтавском депо и у грозненцев.

Читают... и ремонтируют паровозы за четверо суток, по семь паровозов в месяц.

На станциях—пробки спешных грузов. Товарные составляют по 70 вагонов. Тысячные убоки.

Но Краснодарского депо это не касается. У них есть свой график работы, график, составленный 27 лет тому назад, и администрация депо не будет его переделывать. Поколения рабочих выросли на этом графике. Молодые годы проводили на нем былые студенты-путейцы—теперь уже старые кадры.

На графике учились, с ним выросли.

Никаких перемен.

Когда Савицкий и Фоменко, комсомольцы-ударники Грозненского депо, вызванные для производства шестидесятичасового уплотненного ремонта в Краснодаре, для передачи опыта грозненцев, вернулись после осмотра и, разложив синий график, стали что-то на нем чертить, все поняли: завтра будет бой!

Но мы ошиблись.

Бой произойдет сегодня.

Вечером было техническое совещание. Вот уже десять лет каждую неделю ходят на технические совещания зам. бюро экономки Алфиев, паровозный мастер Коптев, техник Морозко.

СР (зам. редактор) Шенгелевич ходит недавно—он кончился недавно, и в депо—всего два года.

Говорил грознецев Савицкий:

— Мы так считаем. Вы просто боитесь, не хотите—вот что! Почему это у вас отбойка скатов за 20 часов происходит, а за восемь

не хотите, а? Почему это вы сорок труб меняете 14 часов? А за пять не хотите? А дышло за три часа, а экипаж, а котел...

Подошел старый инженер Крапивницкий, сидит форменную фуражку, обтер влететам платком струившийся пот и сказал:

— Ерунда-с, молодой человек, гаупости-с! Вы вот тут кричите, скандалите: «не хотят, старые темпы!» Да знаете ли вы, что я 26 лет в депо? Когда вас на руках в вагон вносили, я уже под левым крылом практиковал «дыло. И я вам заявляю: все это фантастика, вот что! Да вы что, с ума сошли, что это вам—Янисю, что ли? В общем я считаю, что пробовать даже не стоит. Потому что—ерунда-с, молодой человек! Пылл молодости! Так вот!

Говорил СР Шенгелевич:

Я, конечно, не имел такого большого опыта, как Аполон Владимирович, но и мне, со своей стороны, кажется, что действительно рискованно. Наше оборудование, наш инструмент, сами понимаете. Конечно, попробовать можно, но вряд ли. Не надеюсь. Не думаю. Уверенности нет.

И снова говорили грозненцы, снова говорили инженеры и техники, и только представители партийной, комсомольской и профсоюзной организации и сами рабочие молчали.

Молчали, потому что их не было. Рабочих не позвала А. представитель организаций не являлись.

В два часа ночи разошлись с совещания. Назавтра назначен пробный шестнадцатичасовой ремонт паровоза «О-1437».

Завтра утром грозненцы по своему усмотрению будут создавать бригаду.

Завтра—бой.

Есть шестнадцатый

До гудка еще, как обычно, собирались рабочие: подходили к столам, клали в них свои корзинки, надевали спецовки и шли в инструментальную брать инструменты.

Этот день в депо начинался обычно. Ничто не предвещало перемен.

Паровоз «О-1437» стоял на канаве, потушенный, холодно-бесстрастный, не ожидая событий.

Гудок разорвал тишину и общность дня. С 7 часов утра бригада ударников, под руководством грозненских комсомольцев, Савицкого и Саменова, при помощи вагона 502—редакции газеты «Большевистская смена», будет ломать старый, 27 лет тому назад принятый график. В 16 часов, в 960 минут, должны быть вложены энтузиазм и вода к победе.

Фантастика-с, мечты-с, молодые люди!—говорил инженер Крапивницкий.

Ну, знаете, для кого фантастика, а для кого и нет.

О Днепрострое можно фантазировать, но его же можно и строить.

О Магнитогорске можно мечтать, но его же, как свершающийся факт, можно заносить на карту пятилетки.

В 16-часовой ремонт паровозов можно не верить, но за этот срок паровоз можно и нужно отремонтировать.

В руках грозненца Савицкого график ремонта, новый график, составленный на 16 часов. По этому графику он расставляет 14 бригадинов.

Расставлены люди, как по свистку, начинается работа.

«Ах, темпы, ах, быстрота! Работают, как звери,—пишут об ударниках в толстых журналах. И забывают показать, что эти темпы, эта быстрота одним мускульным нажимом не достигаются. Нужно уметь рационально расставить силы. Каждый из ударников Краснодарского депо и раньше работал с такой же быстротой, но в бригадах не было правильной расстановки людей. Части ремонтирующегося паровоза менялись одна за другой. А их можно менять несколько в одно и то же время.

10 часов. В одном углу точат скаты (их нужно обточить вместо 20 часов—за 8). В другом работают дышловики, котельная бригада меняет трубы, идет четкая работа.

Стоит черный и холодный «О-1437», работают на нем 14 ударников, а вокруг—инженеры, техники, экономисты, мастера и просто любопытные. Вчера они не верили и сегодня пришли убедиться в своей правоте.

Стоят—смотрят.

Но нет среди них заведующего ремонтом Шенгелевича, нет человека, который отвечает за ремонт.

Воздается бригада, что-то не ладится.

Звонит телефон:

— Вагон «Большевистской смены»?

— Да.

— Говорит Савицкий. Мы с вашим сотрудником сейчас говорим... Ребята, выручайте! Мешают работать. Паровоз поставили на железную канаву, не дают арматурщиков, не дают инструментов. Самого заведующего нет. Помогает один мастер. График уже срывается. Рабочие возмущаются отношением техперсонала. Нужны срочные меры.

Значит, срывается график, хотят сорвать работу, чтобы потом опять, посмеявшись, работать по-старому. Значит, борьба. И в борьбе вступит новая сила—сила пролетарской печати. За два часа написан, набран, сверстан и отпечатан экстренный выпуск «Большевистской смены».

Листовка говорит:

«Ремонт паровоза за 16 часов—политический факт. Некоторая часть инженерства явно вредит. Они не хотят нового графика, не хотят новых темпов работы».

Листовка сделала переворот. Колеблящаяся часть стала помогать.

Гудок. Копчнутся первые восемь часов работы. Паровоз обступают рабочие.

(Описание на стр. 26-й)

Рабочими ремонта паровоза 7-го участка Октябрьской ж. д.

Дорожный сцепщик

ПИСЬМО из района ДИМИТРИЙ КРАПИВНЫЙ

Засыпают зерно в саялку

За досками лугами, на 13.914 гектаров плодородной почвы, раскинувшись поля Батайского колхоза «Большевик».

«Большевик» — это память о тех, кто погиб на этих полях в дни гражданской войны.

Собственно говоря, истории колхоза еще нет. История только создается. Ее пишут стальные лемехи и крепкими запашниками мозолистые руки ударников-колхозников.

Колхоз еще молод. Если сравнить его по возрасту с некоторыми другими крупными колхозами Северного Кавказа, он будет среди них желторотым птенцом.

Организован «Большевик» 1-го января 1930 г. Один за другим потонули батальоны в колхоз: за один только месяц вступило 1.440 хозяйств.

Зашумели триеры, распределились работы, руки, установились порядки в клунах, по-праздничному стали гаядеть хлеборобские сараны.

В то время в Батайске насчитывалось 437 кулацких хозяйств. Классовый враг, чтобы сломить, расщипать и развязать единый фронт бедняка и середняка — колхоз, — решился на все.

С помощью подкулачников, агитируя, запугивая, а потом и массовые выходы из колхоза Ушан 180 наиболее слабых, поддавшихся кулацкой агитации хозяйств. Положение стало угрожающим.

На помощь пришел комсомол. Обсудили на ячейке положение колхоза и решили мобилизовать все, но не поддаваться. Днем примерной работой комсомольских агитбригад за колхоз, ночью чинили инвентари, пахали, селили. Гектар за гектаром взрывали землю стальные лемехи, вкладывали зерно крепкие запашники. Одних колхозовых 10.801 гектаров, да 812 гектаров подсолнуха, и 572 гектара кукурузы сумели колхозники засеять в первую колхозную весну.

Комсомол колхоза выдвинул крепкую ударную группу энтузиастов поля.

Комсомольско-бригадир Сундуков — лучший ударник колхоза. Его бригада добилась своевременного выполнения наряда, лучшего сбора производительности бригады.

Бригады, работая по обмотке хлебов шестисильным локобидом, давали 450 центнеров в день, бригады Сундукова на таком же «локобиде» давала 900—950 центнеров.

Такая работа Сундуковской бригады задела за живое комсомольцев других бригад.

— Ну, обидки, Сундук, мы тебе нос утрем, как начнем сеять озимые, — говорили другие колхозники.

— Расшибу в дупешку, а догоню Сундукова, — заявил бригадир Ковалевский.

— Он вял верх весною, а мы — осенью! Объяснил себя ударником.

Комсомольцы Сундуковской бригады решили ковалевцам помочь. Начался обмен опытом между бригадами, сведения, собрания и дружеские беседы. Все стали предварительно обсуждать, а потом делать. Получая наряд на работу, обмотают, прикинут — и айда в поле.

— Сподручней с планою, — говорят ковалевцы.

Благодаря такой постановке работы бригада Захара Анисимовича Ковалевского перевыполнила все наряды. Если норма нагрузки на один запашник давалась — два гектара, то ковалевцы, зажатые комсомольским энтузиазмом, выполнили два с четвертью.

— Хороший хозяин Захар Анисимович. Он тебе каждое зернышко осмотрит, лишнего в землю не бросит и дырки на полях не сделает.

— А пахать до того охотник и спец, что ни одного огреха на его участках не встретишь, — хвалят Ковалевского колхозники.

Каждый день комсомольская ячейка работала над тем, как лучше поставить дело в колхозе, как поднять авторитет, как создать твердый актив вокруг колхоза, который не спавал бы перед трудностями.

Но нашлись и такие, которые глядели больше в свой карман. Однажды собралась всеялая компания — бригадир Милованов, Иван Кривошеев да Никита Руденков — и давай таскать колхозное добро на частный рынок. Набрали нос арбузов, отвезли в Ростов на базар, продали и купили на эти деньги корову. Зарезали ее и припрятали за торговлю мясом. Правление думало, что у них в степи кинте работа, а они себе спокойно в Ростове торгуют на частном рынке.

Долго бы длилась такая история, да помешали комсомольцы. Кинулись во все концы и разыскали своего усердного бригадира в самый разгар пьянки. Сидя на эту мзную тропицу, да к ответу. Посадили в исправдом и из колхоза изгнали с позором, чтобы другим повадно не было.

А чтобы сыгнать это грязное пятно с колхоза, решили все хозяйственно-политические кампании выполнять в срок и полностью.

В осеннюю посевную кампанию комсомольский коллектив села Батайск так развернул работу, что среди колхозников-комсомольцев не было ни одного не охваченного содействие и ударничеством. Результаты сказались. План осенней посевной кампании был выполнен на 102 процента.

В хлебозаготовках комсомольцы проявили себя боеспособным, передовым отрядом колхоза. Нигде нельзя было достать тары, а комсомольцы собрали свыше 3000 мешков. Бесплатно работали по погрузке и вывозу хлеба, организуя красные обозы. Благодаря помощи комсомольского коллектива задание по хлебозаготовкам в 175.894 центнера колхоз «Большевик» выполнил досрочно и уже более 16 тонн вывезли по встречному плану.

Сейчас в колхозе идет усиленная подготовка к весеннему сезону. Ремонтируют машины, чинится инвентарь.

В наступающую весну «Большевик» намечает засеять две тысячи гектаров колосовых, тысячу гектаров бахчей и 128 гектаров огородов, а всего 3 128 гектаров.

Наперекор классовому врагу, мощь колхоза крепнет. Выбывшие ранее 180 поддавшихся кулацкой агитации хозяйств не только вернулись обратно, но и привели с собой в колхоз еще 245 хозяйств.

Теперь у «Большевика» 1 685 хозяйств.

Это первые строки истории Батайского колхоза «Большевик». Дожили же крепкие лемехи и стальные запашники в мозолистых руках колхозников — энтузиастов поля.

КОМСОМОЛЬСКАЯ смекалка

под редакцией С. Глязера

сигнал

В третьем решающем году пятилетки мы должны засеять не менее 143 млн. гектаров. Только по колхозному сектору в эту большую весну мы должны засеять не менее 30 млн. гектаров.

Выполнение этой гигантской задачи будет обеспечено только в том случае, если своевременно будет принят сигнал.

Для того, чтобы узнать, в чем суть сигнала, решите задачу, в каждом знаке меняя местом только одну линию.

Т П У З В Г Я
В Г С З Ч !

бай в чайхане

(Узбекская игра)

Это очень забавная узбекская игра, которую с успехом можно использовать и в наших условиях. Ценность этой игры еще в том, что ее можно использовать и для показа роли баев (кулаков), пытающихся сорвать большевистский сев.

Наша читательница И. Котельникова (Ташкент) сообщила нам правила этой игры.

Все участники, а число их неограничено, садятся на пол (потореки), образуя круг. Все сидящие игроки считаются деканами, а один из них, водящий, баев.

Для большего эффекта водящему—баю—на голову повязывается чалма, которую можно сделать из обыкновенного полотенца. Кроме того, надо иметь мешочек, размером 20х50—60 см., набитый опилками или соломой. На мешке сделана надпись: «Зерно для большевистского сева».

Все деканы, сидя в кругу, тесным кольцом передают по рукам мешочек с зерном. Водящий—бай, бегая по внешней стороне круга, старается перехватить мешочек. Декане не дают, передавая его по рукам то вправо, то влево.

(Описание. Начало см. на стр. 23).

- Ну, ребята, как дела? Как график? Выполняется?
- Подходит старый котельщик Миносин:
- Э, ребята, быстрота-то, быстрота, а вот тут не чисто!— И сам лезет в котел, показывает, где надо выравнять трубу.
- Нет, все обещают.
- Я хоть завтра выходной, ну, да я выйду. Завтра у вас буду работать.

Уходит от паровоза все, и остается только бригада: подвести первые итоги, рассмотреть график.

Слова утра.

С 3 часов утра у паровоза заведующий ремонтom Шенгелевич и весь административно-технический персонал Краснодарского депо.

В карманах курток, за обшлагами рукавов пальто—зеленые листовки большевистской смены. Люди в галстуках и водных костюмах лезут по паровозу. Хотят помочь.

Слова те же рабочие, но в работе уже некоторая приподнятость: паровоз «О-в 1437» в центре внимания. Работа идет в хорошем темпе—помогают и инженеры и мастера.

Если же баю удастся захватить мешочек, то виновный в этом декане должен встать на место водящего. Ему повязывается чалма, а водящий садится на его место.

Продолжительность игры не должна превышать 25—30 минут, тем более, что с непривычки сидеть в-потореки довольно утомительно.

Товарищи читатели, посылайте описания проводимых вами игр. Совместными усилиями создадим новые интересные игры и культурно-образовательный наш досуг.

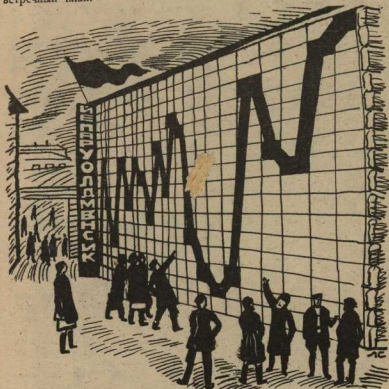
встречный план

Успех посевного плана второй большевистской весны всецело зависит от применения социалистических форм труда, дающих возможность преодолеть все трудности, стоящие на нашем пути.

Для учета достижения социалистических форм труда на полях а ряде колхозов и совхозов вывешиваются графики показателей работы бригад.

Все внимание общественности колхозов привлекают бригады, выдвинувшие встречные посевные планы, превышающие заданные нормы.

По этому графику показателей надо найти призы в виде инструментов колхозникам, выполнение которого дает возможность выдвинуть встречный план.

С подвоя все смотрят на часы.

— Фигури, вам осталось минут 40 по графику, скорей давайте!

— Котельники, ваше время истекает!

Скорей, скорей! Нельзя высказываться из графика.

Грозенцы буквально носится по депо.

Час 12 лет 14 человек перегоняют время. Минутная стрелка не может «крутиться» с той же быстротой, с какой котельники заканчивают свои 45 труб. И уже, конечно, отстанет часовая стрелка от дышловок.

Три часа. Паровоз уже пушен, навинчиваются последние гайки, закрепляется экипаж, меняют последнюю трубу!

З часа 45 минут. Паровоз «О-в 1437», совершенно готовый, выкатывает из депо. Ремонт сделан на 15 минут раньше срока.

Вы помните заключительную сцену из пьесы Кирилова «Рельсы гудят»?

Вредители арестованы, бригада закончила паровоз, и в депо около паровоза—митинг. И кто-то из героев говорит:

...Больше рабочего класса, интуитивом коллектива мы всегда добьемся победы... Загудят рельсы... И побегут наши паровозы!..

